

М И Х А И Л

СААКАШВИЛИ

Пробуждение силы

CF FOLIO

Михаил Саакашвили

**Пробуждение силы. Уроки
Грузии – для будущего Украины**

«Фолио»

2016

ББК 66.2(5ГРУ)+66.3(4УКР)

Саакашвили М. Н.

Пробуждение силы. Уроки Грузии – для будущего Украины /
М. Н. Саакашвили — «Фолио», 2016

ISBN 978-966-03-7645-8

Михаил Саакашвили — уникальный человек, дважды вошедший в одну воду. Став лидером мнений в Грузии, он на волне Революции роз возглавил на 10 лет эту страну и изменил ее до неузнаваемости, а сейчас стал лидером мнений в быстро меняющейся Украине. Находясь на посту губернатора Одесской области, он является политиком далеко не регионального масштаба, передает свой опыт радикальных перемен привыкшей к медлительным политикам Украине. В книге он рассказывает об истории своей семьи, об обстоятельствах, создавших революционную обстановку в Грузии 2003 года, о приходе его команды к власти и системно излагает суть проведенных в Грузии кардинальных реформ, останавливаясь не только на успехах, но и анализируя причины неудач. В каждой главе проводятся параллели с сегодняшней ситуацией в Украине, которую автор глубоко изучил изнутри. Отдельно, что очень актуально для сегодняшнего читателя, взволнованного состоянием дел в отношениях Украины с Россией в связи с агрессией на Донбассе и в Крыму, грузинский президент рассказывает о подробностях международной дипломатической кухни накануне российско-грузинской войны августа 2008 года и в деталях описывает развитие военного конфликта. В книге приведено много ранее не известных подробностей не только грузинско-российских взаимоотношений последних 10 лет, но и рассказывается о личном общении Саакашвили с Владимиром Путиным. Также дается портрет современной Украины со срочными рекомендациями украинским политикам. 2-е издание, дополненное и расширенное.

ББК 66.2(5ГРУ)+66.3(4УКР)

ISBN 978-966-03-7645-8

© Саакашвили М. Н., 2016

© Фолио, 2016

Содержание

Вступление	7
1	10
2	20
3	35
4	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Михаил Саакашвили
Пробуждение силы
Уроки Грузии – для будущего Украины

© М. Н. Саакашвили, 2016

© А. В. Красовицкий, 2016

© Е. А. Гугалова, художественное оформление, 2016

*Посвящаю всем украинцам и грузинам, погибшим за свободу
Украины, всем грузинам и украинцам, погибшим за свободу Грузии.*

Вступление

Первого октября 2012 года, в день парламентских выборов, я решил попрощаться с Грузией, которую создал.

Меня успокаивали, что мы обязательно выиграем. Об этом же говорили все опросы. А я смотрел в глаза людей и читал в них совсем другое.

Я проголосовал в Тбилиси рано утром и вылетел на вертолете в Сванетию. Всего 7–8 лет назад эта высокогорная область считалась гиблым местом. Там похищали и убивали людей, большая часть населения уехала. Не то что иностранцы, даже грузины туда не приезжали – не было дорог.

Мы построили за 80 миллионов долларов превосходную бетонную трассу. Восстановили большинство дорог, ведущих в исторические уголки Сванетии.

Вертолет опустился на взлетную полосу аэропорта, который мы построили в Местии, – одного из самых оригинальных в мире. Я пробыл там сорок минут. Люди – совершенно современные – вернулись в свои дома, и местность ожила.

Из Сванетии я вылетел в Рачу, в девяностые годы запустевшую, почти заброшенную. Мы построили там винный завод, и люди начали получать вдесятеро больше доходов от продажи винограда, чем прежде. В разгар осени Рача была полна иностранных туристов, всюду были машины с украинскими, российскими, румынскими, турецкими номерами, звучала немецкая речь. То же самое я видел и во всех других местах, куда прилетал.

Следующим пунктом был Кутаиси, еще недавно умирающий город, с устаревшей, полностью остановившейся промышленностью. Половина населения уехала, оставшиеся кормилась со своих огородов в окрестных деревнях. Вертолет приземлился перед новым зданием парламента, который мы перенесли в Кутаиси. Мы построили новый международный аэропорт, который скоро будет принимать под миллион пассажиров в год – немало для города, который едва не исчез с карты Грузии.

Потом мы полетели в Анаклию, где до 2007 года располагалась российская военная база. На месте захудалой деревни теперь работало четыре пятизвездочных отеля, и строились еще шесть. Вовсю шли работы по обустройству глубоководного порта Лазика. Вместе с испанскими архитекторами мы разбили бульвар с потрясающим освещением, подвели железную дорогу, автомобильную трассу. Единственное неудобство – поднявшись на второй этаж гостиницы, можно было видеть российские танки, стоящие в двух километрах от города на линии оккупации.

Тот вояж я закончил в Батуми, который стал главным проектом моего президентства. Из ничего мы создали новый бренд – самый быстроразвивающийся регион и город Европы, лицо новой страны, грузинский Сингапур и Гонконг вместе взятые. Захолустную дыру мы превратили в город с двухсоттысячным населением, с современной инфраструктурой, рассчитанной на полмиллиона человек, с новым портом, новым аэропортом.

[Батумское чудо]

Мы шли по улицам, и все прохожие улыбались нам и махали руками. Мой друг Леван Варшаломидзе, который возглавлял кабинет министров Аджарии, сказал: «Да играют они. Они улыбаются, но голосуют против нас». Варшаломидзе оказался проницательнее остальных. Как и я, он предвидел, что мы проиграем.

В уличном кафе ко мне подошел американский наблюдатель из NDI. Он сказал: «Господин президент, все что мы видели сегодня вокруг, то, как проходят выборы, как бы они ни завершились, – это памятник тому, что вы сделали. Вы сотворили абсолютное чудо и это для нас совершенно очевидно».

День выдался длинный. В полулюксе батумского «Шератона» я повалился на кровать и проспал больше двух часов.

В полвосьмого мы вылетели в Тбилиси. На восемь было назначено обнародование результатов экзит-поллов. Спутники старались не встречаться со мной взглядом. Они уже знали предварительные данные. Поражение витало в воздухе.

В Тбилиси я абсолютно спокойно и без промедления признал победу оппозиции.

Мне хотелось побыстрее перевернуть эту страницу.

У всех вокруг был траурный вид, но я чувствовал себя спокойно и уверенно. Можно сказать, я даже был в приподнятом настроении. Заканчивался важный этап моей жизни и жизни страны.

Нужно было двигаться дальше.

[Виноградная косточка]

1

Украина в моей жизни

[.]

Отмечаем победу Оранжевого майдана. Киев, 2005 г.

Я всегда идентифицировал себя с Украиной. Я приехал сюда в семнадцать и остался здесь на семь лет. Здесь я впервые почувствовал себя независимым, начал формироваться как личность.

В Грузии нравы очень патриархальны: тебя воспитывает семья. В моем случае – прабабушка, дедушка, бабушка, мама. Все они меня опекали, поэтому у меня было просто истеричное желание уехать. Не дай Бог, если бы я там учился – уходил в университет из дома и туда же возвращался после пар!

Сразу после школы я поступал в МГИМО. Там не жаловали нацменов и была страшная коррупция. Несмотря на то, что у меня была золотая медаль и я был хорошо подготовлен по всем предметам, меня не приняли.

В 1985 году я сдал экзамены в Тбилисский государственный университет, но параллельно поступил «по лимиту» на факультет международных отношений в Киевском университете им. Шевченко. В Киеве я впервые почувствовал, что сам себе хозяин.

До сих пор помню первый день занятий. В здании бывшей Первой гимназии, в аудитории на первом этаже, нам рассказывали, что за этими партами сидели до революции знаменитые киевляне – Паустовский, Булгаков, Богомолец. После пары мы вышли в парк Шевченко. В маленьком кафе меня окружили новые знакомые и я сразу забыл, что не местный. Украинцы, в отличие от россиян, умеют «усыновлять».

На первом курсе меня чуть не арестовали за антисоветскую деятельность. На нашем факультете учились в основном дети из стран третьего мира, но не только – были у нас и граждане Израиля, Швейцарии, Франции. Конечно, были и дети советских «шишек». Я был человеком «со стороны» и, как следствие, не защищенным. Факультет находился под очень плотным колпаком КГБ. Кем-то надо было им заниматься? Они занялись мной. Притом, что ничего особенного я не делал. Правда, любил отпускать всякие шуточки, таскал иностранные журналы – делал то же самое, что привык делать в Грузии.

Студенты поверили в горбачевскую перестройку. Пятый курс философского факультета подготовил манифест с требованиями перемен. Но в Киеве перестройкой еще и не пахло... Всех исключили. Секретарем комсомольской организации университета был тогда Дмитрий Табачник, первый отдел работал очень тщательно.

На меня открыли дело. Стали допрашивать моих украинских знакомых. Ни один украинец меня не предал. Мой сокурсник Володя Жмак даже избил следователя, который требовал дать на меня показания. Володя был орденосцем, участником войны в Афганистане, поэтому его не смогли за это посадить, но внесли в черный список. Это было болезненно, так как ему было запрещено ездить домой к своей французской невесте Марианне.

Нужные следователю показания дали информатор КГБ из России и студент родом из Кутаиси.

Позже Наливайченко вручил мне выписку из архива (к сожалению, само дело вместе с другими было уничтожено). Там сказано: «Студент Саакашвили Михаил Николаевич вел активную антисоветскую агитацию. С ним проведена профилактическая работа».

После первого курса меня призвали в армию. Год отслужил в погранвойсках в Чопе, год – в Борисполе. Вокруг меня было много ребят из села, я все время слышал украинскую речь и начинал лучше понимать украинский национальный характер. Перестройка набирала ход, и мы постоянно бунтовали против армейских порядков.

В 1988 году я демобилизовался и искал квартиру в Киеве. В гастрономе на углу Владимирской и Житомирской заметил, что какая-то женщина лет сорока внимательно на меня смотрит. Мы познакомились, она оказалась дочерью знаменитого художника Василия Касияна. Ее звали Лена Касиян. У них с мужем была огромная – восемь или девять комнат – квартира в этом же доме на 3-м этаже, и она пригласила меня пожить у них. Ее муж сказал мне выбрать себе любые две комнаты. У них не было детей, и они меня фактически усыновили – заботились обо мне, стирали, готовили.

Муж Лены был членом-корреспондентом Академии наук, Лена работала в музее. Они живут сейчас в Америке. Это была настоящая киевская семья, русскоязычная, но очень антисоветская. Брата ее мужа репрессировали в 1960-х годах за «украинский буржуазный национализм».

У меня было очень много друзей украинцев. Я никогда не замыкался в грузинском землячестве. Интересно, кстати, что самые националистически настроенные грузины живут в России. Причина в том, что они не могут полноценно интегрироваться в общество – им все время напоминают, что это не их страна. А вот украинские грузины через какое-то время начинают сознавать себя украинцами. Они могут говорить с акцентом, но украинское общество всех доброжелательно принимает.

Украина сродни Америке по уровню принятия иных национальностей. Что бы ни утверждали некоторые политики, в Украине этнические различия практически не имеют значения.

И в этом уникальный потенциал Украины. В мире осталось не так много «плавильных котлов». Кроме Украины это, пожалуй, только Бразилия, США и Сингапур.

[.]

После КИМО я работал в Комитете по правам человека в Грузии, стажировался в Международном институте по правам человека в Страсбурге, учился в Колумбийском университете как стипендиат Конгресса. Все это время я не переставал интересоваться тем, что происходит в Украине. Регулярно слушал передачи «Голоса Украины» на украинском языке, доносившие до меня родные флюиды. Когда была возможность, вырывался из Америки в Киев.

В Америке я поначалу постоянно находился в состоянии тяжелой депрессии. Нью-Йорк оказался для меня тяжелым городом. Ужасный ритм. Трудная учеба. Очень большой объем работы. У меня часто поднималась температура, я все время болел. Мне говорили: у тебя стресс, ты не принимаешь этого города. Весь первый семестр у меня держалась высокая температура. На каникулы я улетел домой. Летел с пересадками: Хельсинки – Киев – Тбилиси. В Хельсинки у меня вновь поднялась температура – до 40 градусов. Я был совершенно разбит. Но стоило мне приземлиться в Киеве и выйти из аэропорта, как мне стало очень хорошо и спокойно – я дома. Температура спала и больше не возвращалась.

Это была для меня прививка – родная земля излечила. После этого в Америке я чувствовал себя уже нормально. Часто бывал в Украине и после того, как в 1995 году вернулся в Грузию.

В 1998 году я познакомился с Леонидом Кучмой. Шеварднадзе тогда приезжал в Украину с официальным визитом. Я оказался за одним столом с украинским президентом. Потом Кучма принял меня отдельно. Это был демонстративный жест с его стороны. Видимо, я ему чем-то понравился. Он много времени мне уделил. Весной 2004 года он мне очень помог: поставил Грузии вертолеты, с помощью которых мы восстановили порядок в отколовшейся при Шеварднадзе Аджарии.

В 2001 года Борис Немцов организовал в Петербурге съезд правых сил. Там я впервые увидел Виктора Ющенко. Он мне очень понравился. После этого мы постоянно общались по телефону.

В ноябре 2003 года у нас произошла Революция роз. Я очень устал после всех этих бессонных ночей и напряжения и поехал отсыпаться в Киев. Взял небольшой номер в «Премьер-Паласе» и два дня спал без просыпу. Потом вышел на Крещатик. И понял, что люди меня узнают.

Сначала думал, мне это кажется. И тут слышу, какие-то «бухарики» у метро кричат мне: «Эй, Саакашвили, иди сюда, выпей рюмку с нами». Я понял, что тут сохранить инкогнито не получится. Да и власть не спускала с меня глаз. За мной установили слежку. Захожу в абсолютно пустой магазин, а там два типа читают газеты спиной ко мне. Похожая ситуация повторилась в другом месте.

Ющенко узнал от кого-то, что я приехал. У него как раз собирался совет оппозиции. Ющенко пригласил меня поучаствовать. Их интересовал наш опыт – как лучше провести выборы. Я сказал: выборы вы, конечно, проведете, но вам все равно понадобится революция.

– Ну какая революция? – говорит Ющенко. – Это – Украина, а не Грузия.

Я потом много раз слышал, что Украина – это не Грузия. Но был там один человек, которого я знал со студенческой скамьи – Порошенко. Он заинтересовался именно этими моими словами. И после собрания попросил меня рассказать, как делать революцию. Приготовил ручку и бумагу. Я начал перечислять: понадобятся палатки, рок-группы, теплая одежда, какой-то бренд надо придумать. Он это все записал.

Через два дня Ющенко и Тимошенко по какому-то поводу в очередной раз поссорились. Порошенко попросил меня выступить медиатором. Три часа я их мирил в ресторане «Да Винчи» на Большой Житомирской. Тогда я поближе познакомился с Юлей.

Когда началась Оранжевая революция, я начал жить этим событием. У меня постоянно был включен 5-й канал. А Порошенко – он ведь все записал – оказался самым подготовленным. У протестующих были и палатки, и рок-группы, и бренд «Оранжевая революция».

В отличие от Украины название нашей революции появилось спонтанно. Когда мы входили в Парламент, я хотел показать, что у нас нет оружия, и послал друга купить цветы. В последний момент – мы уже заходили – он пришел с большой охапкой роз. И я раздавал всем по розе. Когда мы зашли в зал, репортер CNN Райан Чилкот воскликнул: «Это выглядит как настоящая Революция роз!» С этой спонтанной фразы и пошло название. Произошло это во время беспрецедентного эфира, когда CNN пять часов транслировало события в Тбилиси в прямом эфире без коммерческих вставок. Благодаря этому мы получили широкую известность во всем мире.

Вообще американские журналисты нам здорово подыграли. Госдепартамент был совершенно не рад нашей революции. Американский посол Ричард Майлз всячески нам мешал. Он до сих пор пишет про меня всякие гадости. Но CNN решил нас поддержать, поэтому я мог в любой момент им позвонить и включиться в эфир. Из грузинских каналов нас показывал, в основном, «Рустави 2», да и то не с самого начала.

В Украине бренд и оранжевый цвет были придуманы заранее. Прорвать телевизионную блокаду в отсутствие поддержки CNN оказалось сложнее. Я отправил в Киев члена Парламента Гиви Таргамадзе, у которого был опыт нашей революции. В Киеве было очень много грузинских журналистов. Первое время мир узнавал о том, что происходит в Украине, именно через наши каналы. Иностранцы использовали их flyway.

Мне позвонил Порошенко и попросил помочь с 5-м каналом, который могли принимать только в Киеве. После бегства Абашидзе нам достался небольшой аджарский канал, который транслировался на грузинском, русском и английском по всему миру. Абашидзе, зарабатывавший деньги на контрабанде и наркотиках, тратил бешеные деньги на саморекламу. Канал был на всех спутниках, по контракту он мог вещать на весь мир еще два года. Мы решили поставить 5-й канал вместо аджарского на все эти спутники. Я позвонил знакомым в Одессе и Харькове: у вас принимается 5-й канал? Они подтвердили, что принимается. А потом его начали смотреть все, у кого были спутниковые тарелки.

В команде Ющенко постоянно были трения: он был гораздо более осторожным, чем все остальные. Звонит мне однажды Юля: Ющенко в девять вечера ушел домой, а на Майдане очень напряженная ситуация. Могу ли я позвать его обратно на Майдан? Он не берет трубку. Пришлось мне его разыскать и попросить вернуться. Они просто отличались темпераментами. В плане тактики у меня было гораздо больше совпадений с Юлей. Она всегда хотела атаковать, хотела провоцировать власть, чтобы та совершала ошибки. Мне казалось, что так и нужно. В этом она была очень хороша. А Ющенко больше был настроен на то, чтобы договориться.

За несколько месяцев до Оранжевой революции я был на дне рождения Кучмы в Крыму. Я собирался попросить у него 50 БТРов, 6 вертолетов и т. п. Накануне нашей встречи у него был Путин, и Кучма попросил меня приехать на следующий день, чтобы не раздражать русских и со мной отдельно поговорить.

Вся дорога из аэропорта до госрезиденции была заставлена билбордами Януковича и завешана цветами его партии. «Ну что, видел билборды этого бандита?» – спросил меня Кучма с порога. Я, говорит, надеюсь, что его не выберут. Ну, а если выберут – мало не покажется. Они его еще не знают. И тогда люди меня точно оценят. А вот твой друг Ющенко – он абсолютно безвредный. Он мне гораздо больше симпатичен. Ему, конечно, только про мед поговорить,

про пчел. Но я, говорит, считаю, что для Украины он будет лучше. Это было для меня очень неожиданно.

Кучма точно не был на стороне Януковича. Он все время вёл двойную игру. Думаю, у него была призрачная надежда, что начнется хаос и люди его попросят остаться в той или иной форме. Осенью 2004-го мы были с ним в контакте. Мы прислали много наблюдателей на выборы. Кучма это приветствовал.

В переговорах между «оранжевыми» и «бело-голубыми» очень полезным было участие президента Польши Александра Квасьневского. В нем уникально сочетаются черты западного политика и человека, прекрасно владеющего языком советских бюрократов и умеющего с ними общаться.

На сцене Майдана. Киев, 7 декабря 2013 г.

После революции я вернулся в Украину на Новый год. В один из дней мы вышли у Бессарабки и прошли весь Крещатик. Вместе с Юлей, Ющенко, Русланой я поднялся на сцену. Руслана пела гимн. У меня вдруг прорезался украинский язык – я выступил с речью на украинском.

Перед инаугурацией Ющенко пригласил меня в Буковель. Курорт тогда только начал развиваться. В первый день мы вышли на «канатку» и застали там настоящую постреволюционную атмосферу, знакомую мне по Грузии. Было очень много молодежи: все махали нам руками, стремились сфотографироваться. С такими людьми можно делать чудеса, они более открыты новым идеям, чем грузины. Просто нужно придать им импульс, и тогда их не остановишь.

Ющенко постоянно чувствовал себя очень плохо. Два часа в день у него были перевязки. Мы договорились, что подпишем совместную декларацию и устроим пресс-конференцию. Трижды мы приглашали журналистов и трижды собирались выходить к прессе. И каждый раз Ющенко становилось плохо и все отменялось. Он на ногах стоять не мог, не то что принимать какие-то решения. Поразительная была ситуация. Кандидаты в министры съехались в

Буковель, снимали все дачи вокруг, пытались попасть к Виктору Андреевичу, но он никого не принимал.

В Буковеле все и решилось. Ющенко все время колебался, кого назначить премьером: Юлю или Порошенко. Его жена Катя была резко настроена против Юли. Возможно, Порошенко был бы лучшим премьер-министром. Но Тимошенко была реальным лидером революции. Она все равно никуда не ушла бы.

Когда Тимошенко приехала с первым официальным визитом в Грузию, я повез ее на вертолете к виноградникам. На обратном пути была плохая погода и вертолет все время трясло. Мне уже ничего не хотелось, а она не переставая говорила о поставках газа. У нее характер совершенно противоположный характеру Ющенко, она из хищников. Но проблема была не только и не столько в ней.

В 2005 году я приехал на юбилей Артека. Ющенко всех собрал в Крыму. Министр транспорта Червоненко пригласил меня и нескольких украинских министров из нового правительства на свою яхту. Послушав их разговоры, я понял, что никаких шансов у страны нет. Они говорили о своих интересах: долях, землях, бизнесе. У нас в Грузии были совершенно другие разговоры – небо и земля. А эти были людьми старого покроя, еще более жадными, чем люди Кучмы, было ощущение, что дорвались и посчитали, что настал их момент.

Разница между Грузией и Украиной была поколенческая. В Украине после Оранжевой революции к власти пришло поколение, которое было старше нашего. У нас был точно такой же разрыв с грузинами предыдущего поколения, к которому относились, например, Нино Бурджанадзе и ее муж – их интересовали только деньги. Я был самым старшим в нашей команде, но и я еще учился в университете, когда Советский Союз распался. Те же, кто успел несколько лет поработать при Союзе, стали частью системы. И эти люди пришли к власти в Украине.

Чувствовалось, что советское наследие мешает и Ющенко. Его невозможно обвинить в стяжательстве. Он был идеалистом, но чисто психологически ему было трудно работать с людьми постсоветских поколений.

Но все же они были намного лучше другой части украинского политического спектра.

Помню, в 2004-м я приехал с первым официальным визитом в Украину. Был концерт. Справа от меня сидел президент Кучма, слева – премьер Янукович. И Кучма его спрашивает, ну что, Витя, Звягельский не появлялся? Да вы что, отвечает Янукович, если бы он появился, его бы давно уже ребята замочили. Премьер говорит президенту, что кого-то нужно замочить! И Янукович явно не шутил.

Надо сказать, что Кучма явно чувствовал себя не в своей тарелке рядом с Януковичем. Он все-таки был патриотом Украины, в отличие от бывшего донецкого бандита!

Однажды, уже через много лет после «Оранжевой революции», у меня была многочасовая беседа с Януковичем. Большую часть беседы он посвятил Юле. Перечислял все ее уголовные – мнимые и реальные – дела. Долго сплетничал по поводу ее личной жизни. И только потом перешел на другие темы. Такие беседы у него были со всеми иностранцами. Он был ею одержим.

Янукович еще рассказывал, что он долго не мог принять решение – баллотироваться во второй раз в президенты или нет. Обратился за советом к старцу Зосиме. Тот сказал, что не готов ответить, но обещал подать знак. Через некоторое время старец умер. Янукович пришел на панихиду, встал в очередь к гробу. Когда, по его словам, он коснулся руки покойного, она поднялась, погладила его по голове и снова упала. Для Януковича это был знак. Он мне рассказывал это на полном серьезе как о неопровержимом факте. Но все же, я допускаю, что он прикидывался.

К Януковичу было трудно относиться как к нормальному человеку. У моих друзей был на въезде в Киев ресторанчик, который начали отжимать донецкие рейдеры. Меня попросили помочь. Я рассказал эту историю Януковичу на ядерном саммите в Вашингтоне. Оказалось, что

он знал все про этот случай, начал мне о таких деталях рассказывать, что я стал подозревать, что он сам и стоял за рейдерами. Но это было слишком даже для него – заниматься маленьким ресторанчиком.

Украина – большая страна, не то что Грузия. Я никогда не интересовался, кому принадлежит какой-то коммерческий проект в моей стране. Если лидер страны увлекается такими вещами, вряд ли у него найдется время заниматься страной.

Как-то я был на обеде у генерального секретаря ООН в Нью-Йорке. Меня посадили за один столик с Ильхамом Алиевым, президентом Польши Коморовским и Януковичем. Я не знал, о чем разговаривать с Януковичем. Я читал, что в Украине создают совет юстиции, и спросил у Януковича, будет ли судебная реформа. Он сказал: «Они все у меня еще попляшут». И стал рассказывать о Межигорье, о том, что председатель Верховного суда попросил у него взятку в 50 миллионов. А я, говорит, заплатил ему 20.

Янукович предлагал перечислить деньги на офшор, но председатель суда хотел, чтобы всю сумму доставили наличными ему на дачу. Вместо этого Янукович привез ему взятку прямо в Верховный суд. Привез среди бела дня, купюрами по 20 долларов в нескольких чемоданах. Янукович сказал: «Он посмеет против меня пойти? Нет! Все это видели».

Это он рассказывал при всех. Помню, как на рассказ реагировали те, кто понимал по-русски, – они в замешательстве переглядывались.

В 2005-м Янукович был еще в оппозиции. Ющенко просил меня с ним не встречаться. Я его не послушался и по дороге в аэропорт встретился с Януковичем в кафе «Казачок». Незадолго до этого я говорил Ющенко, что мы хотели бы купить несколько пассажирских самолетов АН-142. Но у Украины не было достаточного количества готовых самолетов. Рассказал эту историю Януковичу. Он ответил, что как раз у него стоит три АН-142. Может продать хоть завтра на очень выгодных условиях. У него было больше самолетов, чем у государства! И это в то время, когда на него завели уголовное дело.

Он себя хорошо чувствовал. Готов был даже самолеты нам продать. Конечно, мы бы все равно у него не купили. Но меня поразила его самоуверенность.

Когда я рассказывал об этом Ющенко, он говорил: нужно примирить запад и восток. Думаю, это было связано с тем, что он каким-то образом договорился с Ахметовым. Для команды Ющенко это был входной билет на восток.

После первой встречи с Путиным Ющенко сказал, что с ним можно работать. Я ответил, что точно так же думал год тому назад: «Подожди шесть месяцев, мы еще раз вернемся к этой теме». Это ведь Путин его отравил осенью 2004 года. Уверен, что Ющенко об этом знал, он хотел через это перешагнуть, и это свидетельствовало о широте его души.

Кучму Путин всегда чуть побаивался – тот над ним всегда подтрунивал. А вот Ющенко Путин с первой секунды презирал. Они были людьми разных культур. Между ними не могло быть серьезных договоренностей. Точно так же Путин презирал Юлю. Называл ее «девочкой с косой». Путин считал, что раз она зарабатывала деньги в России, то ее волнуют только деньги и ею всегда можно будет манипулировать.

Интересно, я видел, как Яценюк нагрубил Путину. Он тогда был министром иностранных дел. В 2007 году в Таджикистане проходил саммит СНГ. Ющенко к тому времени перестал бывать на этих саммитах, а Яценюк поехал. Он зашел в вышиванке с опозданием на 40 минут. Сел и сразу начал пререкаться насчет повестки дня. У Путина глаза полезли на лоб: что себе позволяет этот наглый юнец, которого он видит первый раз в жизни. А Яценюк еще примешивал к своей речи украинские слова – так и Ющенко иногда делал. Думаю, специально.

Я был уверен в 2013 году, что в Украине будет революция. В сентябре я встречался с украинскими друзьями. Они все жаловались на пассивность народа – никто ни во что не верит, оппозицию никто не любит. А я говорил, что сейчас все и начнется.

Когда начался второй Майдан, я полетел из Нью-Йорка в Варшаву, чтобы собрать группу европейских депутатов для поездки в Киев. Поселился в отеле и начал обзванивать знакомых. За четыре дня собрал 10 человек. Там был экс-премьер Польши Ежи Бузек, депутат Европарламента Эльмар Брок, несколько поляков, англичанин, бельгиец. В аэропорту они меня обступили со всех сторон и провели через пограничный контроль. Мы приехали сразу на митинг. Все поднялись на сцену. Они начали выступать.

[*Майдан 2013 г.*]

А я пошел с другой стороны площади. Народу там было немного, в основном плохо одетые пожилые люди. Молодежи почти не было. Все начали меня окружать, аплодировать. Брок потом спросил меня, зачем они сюда приехали, если я привлекаю к себе все внимание и устраиваю цирк в их присутствии. Но я правда не специально это делал.

Мы провели в Киеве три дня. Я каждый день разговаривал с Кличко и Порошенко.

На одной из встреч Яценюк начал со мной спорить. А Порошенко сказал, что у него уже был опыт в 2003-м и все, что Миша говорил, оказалось правдой. Лучше с ним не спорить. Я все время говорил, что нужно заставить власть делать ошибки. Надо их провоцировать. И только Порошенко и Тягнибок с этим соглашались.

Зашел взволнованный Кличко. Сказал, что Янукович отдал приказ всех нас арестовать. «Так это же прекрасно!» – воскликнул вице-спикер грузинского парламента Гиоргий Барамидзе. На него все посмотрели, как на сумасшедшего.

Скоро я полетел с украинскими лидерами в Мюнхен. После первой поездки я два с лишним года стоял на учете на границе. Каждый раз мне приходилось подолгу ждать на паспортном контроле. Украинская бюрократия так работала, даже при новой власти.

Так продолжалось, пока я не закатил скандал. Президент лично вмешался, чтобы снять меня с учета.

[.]

Когда в феврале 2014 года начались события в Крыму, я ничуть не удивился. Я еще в 2008-м предупреждал об угрозе аннексии Крыма. Мне никто не верил. Все говорили, что татары не дадут этого сделать.

После бегства Януковича я плотно общался с Наливайченко, возглавившим после революции Службу безопасности Украины. Мы были давно знакомы. В 2010 году он подумывал баллотироваться в президенты, и у него тогда были хорошие шансы. Я верил в него. Мы составляли для него программу. Наливайченко очень много знал об украинской коррупции и собирався обнародовать всю эту информацию. В итоге он решил не баллотироваться. Но мы остались в хороших отношениях.

Наливайченко не знал, что с Януковичем и где он, и можно ли полагаться на СБУ. Надо высылать погоню, но неизвестно, какое сопротивление они встретят, плюс новая власть пока не контролирует границы. Я сказал, что нужно особенно усилить Крым. Так и вышло – Янукович в итоге бежал через Крым.

Когда в Крыму только появились зеленые человечки, никто не понимал, кто это. У меня был разговор с высокопоставленными должностными лицами (не буду их называть). Было два часа ночи, мы сидели в кафе, рядом с Крещатиком. Я объяснял им, что у них вряд ли есть время со мной общаться, что у них отбирают Крым. А они мне на это: «Миша, ты ничего не понимаешь. Наши спецназовцы их окружили, мы им отключили воду и электричество. Завтра до конца дня они сдадутся».

Это были очень высокопоставленные люди, но у них нашлось время в два часа ночи пить со мной чай. Я удивился, объяснил, что это Россия и их военные не сдадутся. Они опять мне повторили эту чушь, что если что – они выдадут татарам оружие, и те ничего такого там не допустят.

После захвата Крыма я предупреждал ведущих украинских политиков, что будет Донбасс. На это они ответили: ты же понимаешь, что Южная Осетия и Абхазия никогда не вернутся, вот точно так же и мы понимаем, что Крым не вернется, поэтому будем договариваться с Западом: они нас принимают в НАТО и ЕС в обмен на Крым. Я им возразил: «Во-первых, кто вам сказал, что Южная Осетия и Абхазия не грузинские территории? Мы без них не можем и мы их вернем. Во-вторых, не думайте, что не удержали только Крым – после него однозначно будет Донбасс». А они: «Нет, это невозможно на Донбассе, там слишком серьезные украинцы, это не Крым».

Мне кажется, захват Крыма был подготовлен для выборов 2015 года. Судя по моему опыту, Путин ничего не умеет делать спонтанно. Он вообще человек не быстрый. В непредсказуемых ситуациях он теряется. И грузинская революция, и Оранжевая революция застали его врасплох. А вот аннексии Крыма явно предшествовали несколько лет подготовки. Точно так же он был очень хорошо подготовлен к войне 2008 года с Грузией. Подготовка началась еще в 2006 году, когда мы взяли всю агентурную сеть ГРУ. Путин тогда растерялся. Он дергался, допускал ошибки одну за другой. Но потом сел и начал детально расписывать план войны. Точно так же он подготовил сценарий для Крыма 2015 года. В Москве знали, что Янукович проиграет, и планировали вывести из игры часть Украины. Не уверен насчет Донбасса, но крымский сценарий не вызывает никаких сомнений.

Повторю: Путину свойственно теряться в непредвиденных ситуациях. Но он сидит в засаде, выжидая. Он как бульдог – вцепится и не отпустит.

А вот на Донбассе Путин застрял. Он подумал, что раз крымский сценарий оказался настолько легким, то и в Новороссии будет так же. Не уверен, что по Донбассу у него был план. Там он просчитался. Видимо, он хотел пойти через Мариуполь на Крым. Ему это казалось очень легким. Но он многого не учел, завяз и потерял темп. А чтобы отвлечь внимание от Украины, пошел в Сирию. Ему надо было показать, что он по-прежнему в игре.

Замысел был такой: он выходит из Сирии, а Запад снимает санкции против России. Видимо, американцы сообщили ему, что готовы снять санкции, если он создаст хотя бы видимость вывода войск из Донбасса. У Запада и без России полно проблем. Обама хочет снять санкции и не портить отношения с Россией. Снял же он санкции с Кубы и Ирана. Американцы сейчас – сравнительно самые слабые в своей новейшей истории.

В одном из своих интервью Обама назвал Украину зоной интересов России. Скажи он это через год, когда в Америке был бы уже другой президент, это было бы не опасно. Ну думает себе так человек, и пусть думает. Другое дело, когда это слова действующего президента. Какая после этого разница, что говорит посол, ЦРУ и армия? Конечно, говоря это, Обама обращался к своему народу, объясняя, что Америка не должна воевать. Но для России это четкий сигнал.

Я был уверен, что конфликт на Донбассе будет углубляться. Порошенко думал, что сможет договориться. Он вообще из людей, которые предпочитают договариваться. И это, в принципе, правильно. Да и Путин, по всей видимости, подавал какие-то знаки, что это возможно.

Путин сыграл против Порошенко перед парламентскими выборами. Порошенко шел на них с абсолютно мирной риторикой, а Яценюк – с воинственной. Одна половина населения хотела мира любой ценой, другая хотела воевать, защищать Украину. На мирном фланге полностью доминировал Порошенко. И тогда Путин обострил ситуацию на фронте, создал проблему с газом и усилил военную риторику. Он это сделал демонстративно, чтобы ослабить Порошенко. Если бы ему нужен был компромисс, Путин не стал бы подыгрывать Яценюку.

Путин борется не за Мариуполь или Херсон. Ему нужен Киев. Он помнит, как было с Грузией. Через полгода Европа и Америка снимут санкции. К тому времени экономика Украины будет полностью ослаблена. Украинцы запомнят, что страну довели до ручки прозападные министры. Запомнят, что Европа их предала. И тогда украинцы могут захотеть договориться с Россией.

Путин будет ждать этого момента. Тем более, что у него есть опыт Грузии. С 2008 года Грузия развивалась бешеными темпами, а в 2012-м народ решил, что зря правительство упрямится, не хочет сдаваться, тем более что все нас бросили. Путин как-то говорил, что грузинские выборы 2012 года были его самой успешной операцией. На следующих выборах в Украине он постарается ее повторить. Действовать он будет в гораздо более комфортной для себя обстановке: ужасающая коррупция плюс скрытые и даже явные агенты влияния, которых в Грузии не было. Это позволяет России помимо политического нажима задействовать во время украинских выборов весь спектр спецопераций и провокаций.

Выход у нас только один – вывести на сцену новое поколение политиков. Смена политического класса – вопрос национальной безопасности Украины.

2
Моя семья
Первые шаги в политике

[.]

Обычно мы ездили на отдых в таком составе: прадед, мама и я.
Боржоми, 1978 г.

Семья у меня очень большая и интересная.

Я родился в шестьдесят седьмом. Когда мне было два года, родители развелись и мы с мамой переехали к прабабушке и прадедушке. У них была четырехкомнатная квартира, но кроме нас четверых там жили еще дедушка и бабушка. Большую часть детства я проспал на

раскладушке. До двенадцатилетнего возраста, когда мама опять вышла замуж, она спала на соседней раскладушке. После того как она переехала к мужу в квартиру площадью 16 м², я остался в комнате один и мне даже купили диван.

Мой прадед был профессором, юристом. Он был репрессирован и десять лет просидел в Сибири, его брат провел там 25 лет.

Брат прабабушки получил образование в Германии, вернулся в СССР, работал в строительном тресте. Потом его забрали и, как многих других советских граждан, имевших западное образование, расстреляли.

Мой прапрадед, отец прабабушки, хорошо знал Сталина. Он был владельцем самых больших месторождений марганца в мире – «Чиатурмарганец». Очень самобытный человек. Грузинский националист, прапрадед финансировал большевиков, потому что те провозгласили «самоопределение народов». Он считал, что большевики отпустят все национальные окраины. И он, в принципе, не ошибся – сначала большевики так и сделали.

У прапрадеда был большой дом в Чиатуре, в Западной Грузии. Там очень красивое ущелье. Сталин время от времени там скрывался от царских властей. Однажды жандармы окружили дом со всех сторон. И прабабушка, которой тогда было семь лет, взяла его за руку и вывела тайными тропинками в горы. Она рассказывала мне, что у него была влажная, дрожащая рука – он очень боялся.

Когда началась советизация, большевики, естественно, прапрадеда арестовали. Его мама написала Сталину, что схватили человека, который его в своё время укрывал, и прапрадеда отпустили. Во времена НЭПа он был близок к власти, его партнером был Арманд Хаммер – знаменитый американский бизнесмен, работавший с Советским Союзом.

Второй раз прапрадеда арестовали в 1937 году. А в 1940 году брат моей прабабушки, Григол Абашидзе, молодой, но уже очень известный поэт, написал поэму, за которую получил Сталинскую премию. Когда на приеме в Кремле Сталин спросил Григола, как он поживает, тот набрался смелости и сказал: «Не могли бы вы отпустить моего отца?» Сталин спросил у Берии, действительно ли отец Григола сидит. Берия подтвердил. И тогда Сталин сказал 26-летнему брату моей прабабушки: «Ладно, отпустим, но если он опять что-то сделает, мы вас обоих расстреляем». В ГУЛАГе прапрадед стал «доходягой» и умер через несколько дней после своего освобождения.

Сталин очень не хотел быть грузином. Он все время подчеркивал, что он – русский, хотя говорил с тяжелым акцентом. На родине, считал он, его не оценили – в Грузии он всегда чувствовал себя неудачником. Когда в 1922 году он первый раз вернулся домой после советизации Грузии, он уже был большим человеком в Москве и Петербурге. Он приехал в собственную, захваченную им страну как триумфатор. На первой же встрече грузинские рабочие закидали его камнями. И Сталин это очень хорошо запомнил.

Потом он просто ездил на грузинские курорты, особенно в Цхалтубо, лечить свою подагру. Охотнее всего он ездил в Абхазию – абхазским большевикам он доверял больше, чем грузинским, это была чисто политическая комбинация. В Гори, где Сталин родился, он бывал только проездом. Я знал человека, который был свидетелем одного такого «визита». Он был еще мальчишкой, и мама отправила его что-то купить на вокзале. Он случайно очутился около вагона, в котором сидел Сталин. Вокзал оцепили, поезд остановился. Местные большевики ждали выхода Сталина, чтобы показать вождю его родной дом. Сталин смотрел вдаль, курил трубку и мальчика даже не заметил. Так продолжалось минут 40, потом Сталин повернулся и сказал: «Все, поехали дальше». Он даже не вышел. Это очень четко показывает его отношение к Грузии. После этого Сталин ездил туда только на курорты, даже в Тбилиси он был только раз.

Во время сталинских репрессий пострадало очень много грузин, особенно интеллигенция. Он очень хотел быть интеллектуалом. Писал в детстве патриотические стихи. А его никто

не воспринял всерьез. Поэтому ему пришлось делать карьеру в России. Даже захватив страну, он не чувствовал должного к себе отношения.

Грузия от Сталина ничего хорошего не получила. Он отдал часть грузинской территории Азербайджану. Он создал внутри Грузии две автономии. Автономию Южной Осетии просто «высосали из пальца». Цхинвали – это ведь еврейский город, там жили горские евреи. Но Сталину было нужно устроить какую-то автономию в самом центре Грузии. Поэтому туда отовсюду переселяли осетин. Столь же искусственно он создал абхазскую автономию, переключив карту так, чтобы грузины оказались в меньшинстве.

Первые чистки большевиков были проведены именно в Грузии. Сталин называл грузинских коммунистов национал-уклонистами. Такое отношение у него сохранилось навсегда. Под конец жизни Сталин хотел избавиться от Берии и создал «мегрельское дело». Мегрелов хватили по всему Советскому Союзу. Это была внутригрузинская этническая разборка в масштабах всего СССР. Многие мегрелы были расстреляны или посажены. Его отношение к мегрелам хорошо иллюстрирует такой факт: мой учитель, хорошо знавший Сталина, рассказывал, что тот очень не хотел, чтобы в фильме «Падение Берлина» его играл мегрельский актер, и просил первого секретаря грузинской компартии, чтобы нашли кого-то из Восточной Грузии.

В советской Грузии к Сталину было двойное отношение. С одной стороны, конечно, грузинское происхождение Сталина было предметом гордости. Мы, мол, «родина Сталина». С другой стороны, та часть Грузии, которая очень сильно пострадала, надолго это запомнила. Со временем становилось все яснее, что гордиться тут особо нечем.

В Гори я убрал памятник Сталину. Это считалось абсолютным табу, но мы убрали безо всяких проблем.

Мы создали музей оккупации в Тбилиси и собирались переделать музей Сталина, даже подготовили план, но не успели осуществить его из-за выборов. Там были настолько анекдотичные экскурсоводы, что их самих нужно было показывать туристам, которые хотели бы понять, как все было в Советском Союзе.

[.]

Мама очень настойчиво хотела, чтобы я получил хорошее образование. Поэтому с четырех лет я учил английский с частным учителем, с девяти – французский, с четырнадцати – испанский. В СССР эти языки не имели никакого употребления, я мог прожить всю жизнь, не встретив ни одного француза, испанца или американца и не побывав за границей.

В возрасте четырех лет, когда меня повели на английский

Огромную роль в моей жизни сыграла моя учительница французского Мара Чавчавадзе. Она была из среднеазиатского княжеского рода, ее девичья фамилия была Касымбек. С раннего детства она воспитывалась при дворе императора Николая II, её мама была фрейлиной последней императрицы. Она рассказывала мне истории из жизни царского двора. После революции ее семья бежала в Финляндию, потом перебралась во Францию, где Мара вышла замуж за грузинского генерала Чавчавадзе. Она была в дружеских отношениях с Жаном-Полем Сартром и Симоной де Бовуар. Как-то в середине 1960-х на переговорах де Голля с Брежневым сложилась интересная ситуация: переводчиками и с французской, и с советской стороны были ее сыновья.

Мара вернулась в Советский Союз, откликнувшись на очередную кампанию за возвращение эмигрантов. Ее сослали в Казахстан. Оттуда она перебралась на дальнюю окраину Тбилиси. Она зарабатывала на жизнь частными уроками. Ее двухкомнатная квартира в хрущевке была островком свободы. К ней приезжали Высоцкий, Солоухин, нобелевский лауреат Клод Симон. У нее была много французских книг, французских фильмов. Мне было 11–12 лет, а ей – почти 80, но мы стали близкими друзьями. Она умерла в 1988 году, в возрасте восьмидесяти семи лет. Смерть застала ее за переводом экзистенциалистского трактата ее старого знакомого Жана-Поля Сартра. Мара была очень живой, страстной, с потрясающим чувством юмора. Она абсолютно не вписывалась в советскую систему.

Английскому языку меня учил Гела Чарквиани. Его отец, Кандид Чарквиани, был первым секретарем ЦК компартии Грузии во времена Сталина и Берии. Гела рассказывал, что у них на балконе всегда хранилось особое красное вино, которое отец каждую неделю поездом посылал Сталину – несмотря ни на что, тот очень любил грузинское вино и грузинскую кухню.

Гела часто бывал на даче у Сталина. Тот запомнился ему как человек маниакальный и злой. В присутствии Сталина все всегда себя чувствовали очень плохо. Он был непредсказуем и опасен. Тот же Берия, по словам Гелы, был циником, но в отличие от Сталина у него было хорошее чувство юмора, он был абсолютно уравновешенным человеком.

Гела был главным либералом в Грузии времен застоя. Он писал рок-оперы, у него всегда были американские журналы. У него было очень модно брать уроки. На этих уроках мы чувствовали себя абсолютно свободными. Его сын Ираклий, который, пока мы занимались, часто брэнчал в той же комнате на гитаре, был главным символом грузинского поколения восьмидесятых-девяностых. Ираклий был, можно сказать, грузинским Вакарчуком. Он умер от наркотиков в 2006-м.

Мое воспитание было необычным для Советского Союза. Мара и Гела оказали на меня огромное влияние. Мне очень повезло с этими воспитателями.

Гела Чарквиани и Гиули Аласаниа

Мне было тринадцать, когда Мара мне дала почитать «Архипелаг ГУЛАГ». Идти до метро от ее пригородной хрущёвки было довольно далеко, и меня чуть не сбила машина, потому что я шел по улице, читал «Архипелаг» и не мог оторваться. Благодаря Маре я прочитал Солженицына, Платонова, Замятина в самиздате на тонкой сигаретной бумаге. Она давала мне эти книги, но всегда предупреждала, чтобы я не говорил об этом маме. А с Гелой мы писали от руки антисоветские газеты на английском языке. Мы выпускали один номер в неделю, подражая стилю западных газет, но с грузинским привкусом. Эти газеты сохранились в моей библиотеке, их и сегодня интересно читать, потому что из них видно, как мы воспринимали мир в ту эпоху. Нас интересовало все: мы писали о длинной очереди за мясом во втором гастрономе, о конфликте между Джошуа Нкомо и Робертом Мугабе в Зимбабве, о сбитом советским вертолете в Афганистане.

Недавно, когда я уже был в глубокой оппозиции, Гела публично назвал меня своим лучшим учеником всех времен. Это большой комплимент, потому что у него училась вся тогдашняя элита и он вообще не умеет льстить.

Мама очень рано, лет в тридцать, защитила докторскую. Она у меня историк, востоковед. Кроме английского, французского и немецкого, она знает арабский, турецкий и чуть-чуть персидский. Когда я приехал в Киев, ее докторская зарплата была семьсот рублей, и половину она посылала мне, студенту. Это были хорошие деньги.

В девяностых мама создала частный университет, который так и называется Университет Грузии. В нем учится почти 10 000 студентов – это очень много для небольшой страны. Университет считается очень хорошим, на большинстве факультетов обучение ведется на английском, половина студентов – иностранцы. Очень много студентов из Африки, из Ирака и соседних стран. К счастью, она создала это все до моего президентства, поэтому меня не обвиняли в том, что я чем-то ей помогал. Более того, расцвет у них пришелся на период после моего президентства.

Мама преподает и руководит наблюдательным советом университета. Спроси любого студента, он скажет, что учится в университете Аласании – по фамилии мамы. Новые власти может и хотели бы ему навредить, но сделать это не так просто, слишком много студентов. Да и система, которую мы создали, продолжает работать, а значит, в Грузии не так легко убить частную инициативу.

Конечно, я общался и с отцом. Он по профессии врач, работает директором клиники. Отчим, который был с мамой 30 лет, – биофизик. Он умер несколько лет назад.

Прабабушка работала в институте бактериофагов. Это был единственный в Советском Союзе институт, который создавал лечебные фаги. Однажды в детстве я тяжело заболел. Никто не мог меня вылечить, и только её фаги меня вытащили. Мой дед умирал от гангрены после аварии, и все уже махнули рукой, но фаги спасли и его. Прабабушка была настоящим ученым, фаги, изобретенные ею, входят в энциклопедии. Она умерла, когда мне было тридцать два, а моему сыну – шесть. Так что он застал бабушку бабушки.

Бабушка до сих пор работает в институте профзаболеваний. Ей 86, она очень активная, постоянно приезжает ко мне в Украину, мы иногда пересекаемся в Америке и на других континентах.

При Сталине ее семью дважды выселяли из дома. А недавно новое правительство наложило арест на ее квартиру, которую она строила с девяносто третьего года вместе с дедом, и 16-летнюю «хонду». Она пострадала как моя родственница. У меня же ничего не нашли, кроме сельского дома в 100 м² и виноградника в полтора гектара.

Сейчас она живет у мамы. Когда к ней приходят журналисты, она шутит, что бездомная, и просит, чтобы Иванишвили забрал ее в свой домашний зоопарк, к своим пингвинам и зебрам, у них хорошая жизнь. Вдобавок к личным проблемам ее институт перевели в здание бывшего борделя в старом городе. Она хорошо помнит, каким было правительство при Сталине и при Хрущеве, но говорит, что нынешнее правительство – худшее из тех, что она видела. Она немного склонна к преувеличениям.

В Грузии всегда жила национальная идея, хотя и не явно. В моей семье сохранялась память и о репрессиях, и о временах, которые им предшествовали. Брат моего прадеда был одним из лидеров первой независимой республики. Потом он стал академиком – эллинистом, ему даже создали музей как ученому, но все посетители знали, что у этого человека было совсем другое прошлое, о котором в музее не рассказывали.

Национально-освободительное движение в Грузии возникло почти из ниоткуда. Хотя у нас, конечно, были диссиденты – они имели свои структуры, распространяли литературу, контактировали с украинцами и крымскими татарами, – их идея не была общенародной. Но как только советский режим ослабел, в Грузии возникло такое же сильное национальное движение,

как в странах Балтии. Возможно, причина в том, что у нас никто никогда не воспринимал всерьез коммунистическую власть. Грузия приспособилась к существованию в составе СССР, но так до конца и не стала советской. Если в Украине до сих пор сталкиваешься с порядками, унаследованными от Советского Союза, то в Грузии ничего подобного не осталось. И не потому, что мы провели реформы, а потому что люди очень быстро от всего этого отошли. Для грузин советская власть была на уровне ритуала-имитации.

В 1987 году Гия Чантурия создал Общество Ильи Чавчавадзе. Первый митинг за независимость состоялся в мае 1988-го в Тбилиси. Пришло около 1000 человек, я тоже там был. Это был самый крупный митинг с 1978 года, когда в Грузии поднялись массовые протесты против планов сделать русский язык государственным. Скандал был на весь Союз, но Шеварднадзе каким-то образом удержался.

После первого митинга все пошло по нарастающей. По всей стране возникали неформальные организации, проходили новые массовые митинги. Москва пыталась положить этому конец. В апреле 1989-го военные разогнали митинг саперными лопатками, погибли люди. Но было уже поздно: все начало разваливаться, советской власти было просто не на что опереться. Москва поставила нового первого секретаря – бывшего главу республиканского КГБ Гумбаридзе. Он оказался очень слабым.

В конце 1990-го к власти пришел Гамсахурдия. В отсутствие нормальной политической системы люди всегда идут за самым радикальным лидером из тех, кого они знают.

В Украине, кроме ее западной части, такого массового национального движения, не было. В конце 1980-х здесь не чувствовалось, что СССР распадается. Было понятно, что уйдут балтийские страны, уйдет Грузия, но выход из Союза Украины стал почти для всех огромным сюрпризом. Никто не ожидал, что Украина возьмет в руки инициативу по роспуску Советского Союза.

Когда в августе 1991 года в Москве случился переворот и представители ГКЧП вышли и сказали, что берут власть в свои руки, Гамсахурдия и вся грузинская власть очень испугалась. Их первой реакцией стал моментальный роспуск национальной гвардии. Но тут Ельцин перехватил инициативу. Он был очень радикальным. Я никогда не забуду, как еще при Гумбаридзе он говорил: «Требуйте не суверенитета, а независимости». Первое, что Ельцин сделал, когда его избрали Председателем российского Верховного совета, – начал встречаться с главами республик и подталкивать их к выходу из СССР. Мои друзья были шокированы тем, что Ельцин призывает нас выйти из Советского Союза.

Этим он, конечно, решал свои задачи. Хорошо помню, как я сидел в кафе грузинского представительства на Старом Арбате, а Ельцин в ресторане напротив обедал с Гумбаридзе. Все знали, что Ельцин пьет только грузинский коньяк «Энисели». В ресторане было всего три бутылки «Энисели», и они быстро закончились. Тогда завхоз Ваню Кулулашвили залил в пустые бутылки из-под «Энисели» дешевого армянского трехзвездочного коньяка, который приобрел в ларьке рядом с полпредством, и отнес Ельцину. Тот ничего не заметил. Ельцина вынесли на руках и погрузили в черный ЗИЛ. Я это тоже своими глазами видел. А потом вышел явно озадаченный Гумбаридзе. Он думал, что это провокация, ведь Ельцин, практически, советовал ему выйти из Советского Союза.

[.]

Летом 1995 года ко мне в Америку прилетел мой старый знакомый Зураб Жвания. Я работал тогда в солидной юридической фирме, отучившись перед этим в Университете Джорджа Вашингтона.

Жвания возглавлял партию зеленых и формировал команду в поддержку Шеварднадзе для участия в парламентских выборах. Зураб очень отличался в лучшую сторону от тогдашней

политической элиты – был образован, современен, открыт в общении. Он собрал много интересной молодежи. Войти в предвыборный список он предложил и мне. Я согласился, и меня выбрали в парламент.

В ноябре 1995-го я приехал в Грузию, а в декабре меня избрали председателем парламентского комитета по конституционным и юридическим вопросам. Здание парламента только восстанавливалось после переворота 1991-го года, когда его обстреливали со всех сторон. На улице был мороз и снег, а в нашем крыле не было даже окон, поэтому первое заседание парламента я провел в старой канадской дубленке.

В моем комитете заседали специфические публика: бывший генпрокурор, бывший министр внутренних дел, директор рынка, сын которого обвинялся в двойном убийстве, и все в таком духе. Эти носители «традиционных» грузинских ценностей прекрасно подходили друг другу.

Моим заместителем в комитете стала Нино Бурджанадзе. Она старше меня на четыре года. Ее отец был одним из самых известных коррупционеров эпохи застоя, но он постарался дать дочери сравнительно хорошее образование. По сравнению с другими депутатами Бурджанадзе была более цивилизованной. Она закончила МГУ, говорила на иностранных языках, и с ней, несмотря на ее манерность и снобизм, можно было хотя бы о чем-то поговорить. С остальными говорить было просто не о чем.

Нам нужен был аппарат для подготовки законов. Мы объявили конкурс – тогда это было в диковинку. Зарплаты у нас были маленькие, долларов 50 в месяц. На эти деньги можно было прокормиться, а вот квартиру уже не снимешь. Но по тем временам и это было неплохо. В большей части Тбилиси не было света. Не было многих других элементарных вещей. Уровень преступности зашкаливал: людей похищали, стреляли на улицах.

На конкурс пришел парень, который был настолько тощим, что мне казалось, что он сейчас упадет. Он ездил в столицу из Рустави (это полчаса от Тбилиси), там можно было за очень маленькие деньги снимать квартиру. Родом он был из восточно-грузинской деревни. Но он оказался очень образованным, знал несколько иностранных языков. Мы его, естественно, взяли. Это был Зураб Адеишвили, один из самых близких моих соратников. Впоследствии он работал министром юстиции, министром госбезопасности, генеральным прокурором Грузии. Мы взяли тогда Георга Папуашвили, который позже стал председателем Конституционного суда Грузии, и Коте Кублашвили, будущего председателя Верховного суда. Им было по 21–23 года.

Я решил заняться судебной реформой. Что такое грузинские судьи, я знал не понаслышке. Когда я получил степень магистра в Америке, то попробовал устроиться на работу в маленькую юридическую фирму в Грузии. Моим первым заданием было зарегистрировать в суде филиалы фирмы. Суд находился в покоем на курятник здании с просевшим полом. Судья, который был мне нужен, все время был пьян. Я приходил к нему два или три раза и долго объяснял, что хочу зарегистрировать компанию. Во второе мое посещение он бросил на меня злобный взгляд и спросил: «А чего тебя послали? Ты кто такой?» Юрист, ответил я, а он: «Что, у нас юристов нет? Что, я не юрист? Зачем тебя нанимать? Они что, сразу мне не могли заплатить? Я ж регистрирую, ты-то тут причем вообще? Пусть позвонит твой владелец, я ему все регистрирую за определенную сумму».

Сейчас такую процедуру в Грузии можно выполнить за три минуты онлайн. Но тогда мне ничего не заплатили, я уехал обратно в Америку и устроился в солидную юридическую фирму на очень приличную зарплату. Грузинских судей я запомнил надолго.

Шеварднадзе велел нам не трогать полицию. Прокуратуру он тоже считал своей вотчиной. Полицейская и прокурорская мафия были куда авторитетнее и богаче, чем судьи. Были и исключения из правил, например, глава Тбилисского апелляционного суда или заместитель председателя Верховного суда, настоящие мафиози. Но в целом судей никто всерьез в Грузии

не воспринимал. Многие гражданские дела решались с помощью воров в законе. На уголовных делах зарабатывали прокуратура и полиция. И только дела людей, за которых некому было заступиться и дать взятку, доходили до судей.

Словом, Шеварднадзе разрешил нам заняться судьями. Мы разработали закон, позволявший заменить 100 % судей, и создали совет юстиции, в который вошел и я как член парламента. У реформаторов было там большинство. Председательствовал Шеварднадзе, но он особо не вникал в детали. И я этим воспользовался. Шеварднадзе хотел выглядеть реформатором и раз в пол-месяца проводил совещания. Это давало мне возможность сказать, что мы выполняем волю Шеварднадзе.

Мы объявили экзамен для судей. Судьи начали устраивать протесты. Все они были двоечниками, шансов сдать экзамен у них не было, потому что они подбирались совершенно по другим критериям. Мой прадед заведовал кафедрой юридического факультета Тбилисского университета, и еще в его времена в судьи шли самые слабые выпускники. Те, кто учился лучше, устраивались в прокуратуру, иногда в милицию.

Судьи протестовали против экзаменов, а общественники-активисты – против судей. Они устроили большую акцию, на которой жгли изображения судей – главных коррупционеров. Для коррупционеров это было жуткое зрелище. Но им пришлось подчиниться, потому что Шеварднадзе идею экзамена поддержал.

Вопросы нам составляли 30 профессоров, которым мы не рассказывали, зачем нам это нужно. Барбара Сван, работавшая в американской ассоциации юристов, помогла нам найти американские деньги для этой реформы. Экзаменационные билеты мы напечатали в английской типографии, чтобы ни у кого к ним не было доступа. Отпечатанные билеты торжественно доставили из Англии на самолете. Экзамены транслировались по телевидению в прямом эфире. Вопросы и ответы были электронные: 10 вопросов и возможные варианты ответов. Экзаменуемые выбирали вариант ответа, и это происходило у всех на глазах.

На первый экзамен никто из действующих судей не пришел, зато пришло очень много молодежи. Мы объявили, что у судей будет зарплата 500–600 лари, что тогда составляло около 400 долларов – очень неплохие деньги по тому времени.

Желающие сдать экзамен выстроились в очередь. У нас в комитете работал младшим специалистом юрист, который снимал крошечную комнатку, которую нельзя было даже назвать квартирой: полуподвальное помещение в многоэтажном доме и посередине комнаты стоял унитаз. Он был мегапорядочным и в итоге стал председателем апелляционного суда, заменив предшественника, у которого была многоэтажная вила в пригороде.

Судей у нас ненавидели, как и весь госаппарат. Новые судьи были совершенно другими. Поэтому реформа была суперпопулярна. Это была большая победа реформаторов.

Предстоял очередной экзамен. У одного из моих соратников, министра юстиции Ладо Чантурия, был первый зам, от которого он хотел избавиться. Ладо проявил слабость характера и то ли сам отдал билеты этому человеку, то ли так подстроил, чтобы они попали ему в руки. Ладо решил, что пусть лучше он сдаст экзамены и уйдет. А тот поделился билетами со всеми остальными. И вместе с ним на экзамен заявили все коррумпированные судьи. Было понятно, что произошло что-то неладное, потому что раньше-то они не показывались. Когда объявили результаты, оказалось, что никто из них не получил меньше 98 баллов из 100 возможных, то есть все они сдали лучше всех. Стало понятно, что произошла утечка. К счастью, им предстоял еще один экзамен, письменный. И перед вторым экзаменом, никого не предупредив, я в девять вечера подъехал к Чантурии и говорю: «Ладо, привози своих профессоров, будем билеты переписывать».

Я позаботился, чтобы он никому не позвонил. Привезли этих профессоров. Я сам сел с ними, сам полез в вопросы по гражданскому праву, которые не очень хорошо понимал, просто

больше писать было некому. Все написали и отпечатали к восьми утра. Экзамен начинался в девять. Чантурия был в плохом настроении, потому что понял, что я его подозреваю.

В девять утра заходим в зал. Все «отличники» сидят в первых рядах. Такие холеные, одиозные. Я улыбаюсь и говорю: «Знаете, мы вчера вечером решили переписать билеты. Мы их облегчили, так как они были слишком сложные. Думаю, вам теперь легче будет на них отвечать. Мы всю ночь работали, билеты совершенно новые. Тяните. Вы будете довольны».

При этих словах у них вытянулись лица. Большинство просто встало и вышло. Они даже не попытались написать. Это была удивительная картина массового бегства. Так мы их отсеяли. В результате реформы судейский корпус обновился более чем на 90 %.

Помимо того, что новым судьям мы сразу дали большую зарплату, с помощью Всемирного банка мы отремонтировали много зданий. Работа с международными организациями тоже была настоящим сражением. В 1999 году Евросоюз выделил деньги на ремонт, и я поехал в Брюссель, где проводился тендер. Выяснилось, что несколько хороших компаний было дисквалифицировано по совершенно надуманным причинам. У одной был поврежден конверт для документов, к представителю второй придрались за то, что он на час опоздал, у третьей фирмы вообще конверт потеряли. Выбрали какую-то абсолютно жуликоватую компанию, учрежденную бывшими советскими гражданами в Восточной Германии. Для меня это оказалось неприятным сюрпризом. Очевидно, европейские бюрократы тоже делали деньги.

Вскоре после этого из-за коррупционного скандала с Эдит Крессон ушла в отставку вся Европейская Комиссия. Так что с коррупцией мне приходилось сражаться не только в Грузии, но и в Брюсселе. Я устраивал скандалы, я рассказывал эту историю журналистам из «Le Soir», пытался их заинтересовать. Они все записали – и ничего. Поэтому многие суды были отремонтированы некачественно. Когда я стал президентом, мы сами все сделали, уже на свои деньги, без так называемой помощи. Американская помощь расходовалась лучше, потому что это зависело от Барбары Сван, которая выбивала эти деньги у Вашингтона и тратила их правильно.

К сожалению, новая судебная система через какое-то время «сдулась». Не прошло и полугода после начала реформы, как начался экономический кризис и судьям перестали платить зарплату. Они месяцами сидели без денег, на них давила полиция и прокуратура. Некоторых судей шантажировали. Многие ушли, а остальные «легли» под систему.

Это единственная реформа, которую мы потом не смогли провести заново. Потому что она была дискредитирована. И это урок для Украины. Когда ты делаешь современную патрульную службу, и на этом останавливаешься, то ее очень скоро съест старая система.

И все же я считаю нашу судебную реформу первой правильной реформой на всем постсоветском пространстве, возможно, за исключением Эстонии. Такой радикальной реформы ни в одной сфере нигде в бывшем СССР не проводили. Президент Всемирного банка Вулфенсон пригласил меня читать лекции в Вашингтоне, где торжественно меня представил и сказал, что мы провели лучшую судебную реформу в мире. Я стал мировой звездой и пребывал в эйфории. А у кого в 29 лет лет от таких похвал не закружилась бы голова? Но на самом деле эта реформа потерпела крах из-за отсутствия политической воли.

Грузинские суды до сих пор в очень плохой форме. Так случилось, что мы потом реформировали все остальные государственные системы. Но судебная реформа была дискредитирована и поставленной цели не достигла. Чтобы провести ее заново, в Грузию надо приглашать иностранцев. И судьями назначать иностранцев.

В этом я вижу единственный выход. То же самое касается Украины. Назначать министрами иностранцев, я считаю не лучшей идеей, но вот судей, наверное, стоит, в том числе и этнических украинцев из других стран. Да пусть это будут хоть англичане. Так даже лучше – полностью независимые, с высокими зарплатами.

Первый урок, который должна извлечь из этого Украина, заключается в том, что нельзя делать реформы для ширмы, нельзя делать половинчатые реформы, нельзя делать реформы только одной системы. Можно начать с одной системы, но сразу перейти на вторую, третью. Невозможно реформировать маленький островок. Невозможно очистить маленькую часть моря. Очищать нужно все. Если ты проводишь реформу для вида, чтобы «продать» иностранцам, чтобы бросить «кость» реформаторам внутри страны, а сам ничего менять не хочешь, то все это вернется бумерангом. Система погибает, идея реформ дискредитируется, ты выигрываешь какое-то время, а потом оказываешься один на один с реальностью – время утеряно.

Второй урок я продемонстрирую на примере новой украинской полиции.

Думаю, ее просто затопчут. Я езжу по Одессе и вижу этих полицейских. У них ужасные здания, их не кормят, они вынуждены сами покупать себе шаурму или сэндвичи. Так долго не может продолжаться. Это важные детали. В Одессе им платят 8—10 тысяч гривен. Из Киева привозят в большом количестве офицеров, вынужденных вчетвером ютиться в одной комнате, да еще и из своей зарплаты платить за это жилье. Так они долго не продержатся. Плюс они вынуждены работать бок о бок со старыми коррумпированными кадрами. Они выезжают из города и сталкиваются со старым ГАИ, у которого совершенно иной подход к работе и иные источники доходов. С одной фуры гаишник может получить больше, чем полицейский зарабатывает за месяц. У новых денег недостаточно, у старых – больше, и власть пока у старых еще есть.

Чтобы довести реформу до конца, нужно перестать красть, реформировать фискальную систему. Фискальная система должна высвободить достаточно денег, чтобы повысить зарплату, построить нормальные здания, а не кое-как отремонтировать старые. Мы в Грузии все время создавали для людей перспективу, повышали зарплату, кормили, давали премии, показывали их с лучшей стороны – и все время продолжали реформирование других систем. К одной реформированной системе сразу же добавлялась другая, третья.

Эка Згуладзе очень точно сформулировала это на Кабмине: проблема острая, лавина коррупции все снесет.

[.]

В мой первый срок в парламенте мы активно сотрудничали с неправительственными организациями – например, с Обществом защиты прав землевладельцев. Его возглавлял Вано Мерабишвили, который после Революции роз стал министром внутренних дел и премьер-министром Грузии.

Шеварднадзе нам почти не мешал. На законы в Грузии никто не обращал внимания ни в советское время, ни в первые постсоветские годы. Зачем? Законы принимаются для лохов, страна живет в другом, параллельном измерении, которое не имеет ничего общего с законностью. Подумаешь, какие-то ребята пишут какие-то законы и проводят через какой-то комитет... Депутаты и чиновники заметили нас лишь после того, как поняли, что процессуальные законы, которые мы принимаем, влияют на работу исполнительной власти. Полиция работала грязно – кого-то ни за что арестовали, кого-то избili, кого-то выкинули из окна участка. Всякий такой скандал – а они происходили регулярно – был для нас поводом инициировать новые законы, которые усложняли бы жизнь чиновникам. Тогда они поняли, что это серьезно: тебя могут показать по телевизору как нарушителя закона.

Постепенно мы перетягивали на свою сторону гражданское общество. Несколько молодых журналистов были дружественно настроены к нам с самого начала. А 1998 году возник первый в Грузии независимый телеканал с серьезным подходом к делу. Канал «Рустави 2» принадлежал бизнесменам из этого провинциального города. Вскоре власти почувствовали угрозу и его отобрали. Тогда владельцы «Рустави 2» обратились ко мне за помощью. Я взялся за это

дело, и Жвания меня поддержал. Мы нажали на судей и канал отстояли. Потом мы помогли отбить еще одну попытку отнять «Рустави 2». Канал начал вещать на всю страну. Туда перешли работать молодые журналисты из честных газет. В 2000–2001 годах он стал самым популярным и по-настоящему влиятельным. Интернета тогда не было, а газеты были малотиражными, люди их почти не покупали. Поскольку остальное телевидение было низкопробным, первый независимый телеканал захватил все телевизионное пространство.

В 2000–2001 годах на «Рустави 2» начали выпускать программу-расследование «60 минут», в которой в пух и прах разносили Шеварднадзе и его ближайшее окружение. Передача выходила каждую субботу. В это время жизнь города замирала. Из каждого окна были слышны позывные «60 минут», все стремились посмотреть очередной выпуск.

Когда Шеварднадзе осознал угрозу, он договорился с российским олигархом Бадри Патаркацишвили, чтобы тот создал канал-конкурент. Партнер Патаркацишвили Березовский сбежал от Путина в Лондон, и ему тоже нельзя было оставаться в Москве. Он договорился с Шеварднадзе, что создаст канал, который будет защищать власть от «Рустави 2», и переехал в Грузию.

Патаркацишвили вложил в свой канал «Имеди» огромные деньги. Ему удалось отобрать часть аудитории у «Рустави 2», но догнать лидера на том этапе не получилось.

В 1997 году гражданское общество объявило меня человеком года (в 96-м это звание присвоили Жвании). Что это означало, никто не знал. Но то, что ты человек года, ощущалось сразу. В те времена главный национальный канал транслировал заседания парламента, и люди это смотрели. Парламент был резко контрастным. Реформаторов там было даже меньше, чем в нынешнем украинском парламенте, но мы захватили в парламенте лидерство. Будучи в абсолютном меньшинстве, при нейтральном отношении Шеварднадзе, мы во многом заправляли этим парламентом. Мы начали проталкивать законопроекты и монополизировать трибуну. Мы были намного умнее и моложе наших противников – нам было по 25–27 лет.

Контраст был очевиден. В 1998 году на первой полосе The New York Times вышла восторженная статья, автор которой предсказывал, что я стану президентом Грузии. Шеварднадзе настолько огорчился по этому поводу, что пару раз во всеуслышание злобно пошутил на эту тему. И это запомнилось народу: Шеварднадзе меня боится.

Лидерами этого парламента были Жвания и я. Нас так с самого начала и называли: команда Жвании – Саакашвили. Формально я был всего лишь председателем комитета, но я был самый активный. И мы со Жванией начали перетаскивать к себе депутатов.

Когда Жвания убеждал меня участвовать в выборах, я сразу его предупредил, что к Шеварднадзе отношусь скептически. Меня так воспитывали, что я с детства очень не любил все коммунистическое и советское. Жвания попросил меня не распространяться об этом, тем более что дело я буду иметь с ним, а не с Шеварднадзе.

Шеварднадзе несколько раз собирал руководителей парламентских комитетов, но я под разными предлогами уклонялся от встречи. Видимо, это заметили, и меня пригласили к нему лично. Встреча продолжалась не долго, потому что я вдруг начал почти непрерывно чихать и кашлять. У меня была натуральная аллергия на этого человека. После этого мы почти не виделись. Когда Шеварднадзе уходил в отставку, он встретился со мной, Жванией и Бурджанадзе. «Нино, как ты могла так со мной поступить, ты в детстве сидела у меня на коленях, я дружил с вашей семьей, – сказал он и продолжил, уже обращаясь к Жвании. – Зураб, я привел тебя в политику, я тебя сделал человеком, как ты мог это сделать со мной?» Потом он повернулся ко мне и сказал: «К Мише у меня претензий нет, мы всегда друг друга недолюбливали и никогда не были близки».

Шеварднадзе не был слабым руководителем – он был частью коррупционной системы и не умел управлять иначе, чем через коррупцию. У нас был такой же феодальный уклад, как

сейчас в Украине: кто-то назначает кого-то, тот назначает еще кого-то, и они между собой распределяют, где что можно украсть.

Главная параллель с Украиной заключается в том, что, как и при Шеварднадзе в Грузии, у госслужащих нет зарплаты как таковой. Это чисто феодальная служба: ты даешь чиновнику на откуп территории, с которых он «кормится» и кормит того, кто его на это место поставил. Вот это и есть феодализм.

В Грузии, как и сейчас в Украине, все были поделены на кланы. При такой системе президент на самом деле всегда очень слаб, потому что, хотя он во главе главного клана, он не один. Можно обратиться к другому примеру – не грузинскому. Мне рассказывал глава таможи Азербайджана, что у них, мол, все четко распределено. Я, говорит, куплю сейчас туфли в Тбилиси, а когда буду провозить их через границу, то заплачу таможенникам 50 долларов взятки, но 25 долларов на следующий день мне вернут. Он не может не давать своим подчиненным взятки, так как они за счет этих взяток кормятся. То, что он глава таможи, не имеет никакого значения. Это их надел, и это такса за проход их территории. Ты не можешь ничего спросить со своего министра, потому что он в ответ на это скажет: «А разве ты мне уже что-то заплатил?» Если да – то пожалуйста, имеешь полное право. Такую систему президент не контролирует, он просто получает дань.

Это абсолютно татаро-монгольская система: захватчики не развивали территорию, брали свое – и их больше ничего не интересовало. Она до сих пор существует в Украине. Все прикидываются, что мы имеем дело с госаппаратом, у нас есть важные иностранные советники, которые получают 10, 15, 20 тысяч долларов. Что они могут насоветовать чиновникам с зарплатой 100 долларов, которые, наверное, эти деньги и со счета никогда не снимают? Поэтому, кто бы ни советовал, всегда надо делать скидку на то, что мы получаем советы от представителей постиндустриальной эпохи для раннефеодальной, где они автоматически не могут осуществиться.

Естественно, семья Шеварднадзе была самой богатой семьей Грузии. Она владела самой большой мобильной компанией, контролировала Зестафонский ферросплавный завод. Племянник Шеварднадзе Нугзар монополизировал перевозку нефтепродуктов.

Самым крупным феодалом после Шеварднадзе был его министр внутренних дел Каха Таргамадзе. Он контролировал налоговую и таможенную, а также контрабанду сигарет и наркотиков и другие подобные потоки.

Я поначалу наивно думал, что Шеварднадзе сам в этом не замешан, просто он слишком слаб и не хочет никого трогать. Я вскоре убедился, что это не так.

Экспорт ферросплавов всегда был черным бизнесом, никто никогда не платил никаких налогов. Когда я стал министром юстиции, мы его заблокировали. Для экспорта была необходима подпись министерства юстиции, а я не только не подписал, мы послали письмо на таможенную, что все блокируем. Президент вызвал меня на разговор. Выяснилось, что это был бизнес отца невестки Шеварднадзе – по грузинским меркам очень близкого родственника. Я собирался просто рассказать Шеварднадзе, что за его спиной его же родственники занимаются очень плохими вещами, что это против всех законов, что бюджет теряет огромные деньги и он должен это остановить. Я надеялся, что у Шеварднадзе не будет другого выхода, даже если это ему и не понравится. Когда я пришел, там сидел этот его родственник и еще несколько министров. Шеварднадзе открыл собрание и потребовал, чтобы я объяснил, что происходит. Далее он молча наблюдал, как все на меня набросились. Через пять минут я понял, что это была постановка, что реально всем этим заправляет лично он, что он заинтересован в этой контрабанде. Это было для меня настоящим шоком. Даже после стольких лет работы с ним я вот так, напрямую, с такой коррупцией еще не соприкасался.

Я все равно отказался ставить свою подпись. Шеварднадзе был очень недоволен. Все закончилось большой дракой, потом они нашли способ сделать это все без меня.

Что представлял собой грузинский бюджет во времена Шеварднадзе? Фикцию. Когда я говорю, что при мне бюджет вырос в 11 раз – меня поправляют, не в 11, а всего в 8 раз. На самом деле живых денег в бюджете было гораздо меньше, чем на бумаге. Поскольку я был председателем городского совета Тбилиси, то хорошо знаю, что такое зачеты: в бюджете Тбилиси не было и четверти тех денег, которые были записаны в законе.

Тогда на меня начали давить. Государственные телеканалы, провластные газеты и журналы публиковали какие-то слухи. Все их информационные ресурсы работали против меня. Я опубликовал книгу, а они возбудили уголовное дело, как будто на нее были потрачены гос-средства.

В Украине, кстати, я нахожусь в очень похожей ситуации. Мелкие укусы, подозрения. В прокуратуру поданы три «пидозры» на меня. Истерично собираются материалы для новых дел. Мои противники знают, что какие-то материалы там лежат, мы знаем, что они там лежат. Они специально сделали так, чтобы я знал об этом.

Когда я боролся с «ореховой мафией», меня обвинили в том, что я наношу ущерб бюджету, а ведь туда вообще не попадает ни копейки этих денег. Мои враги очень примитивны, а система, которую они защищают, не только примитивна, но и очень несправедлива, поэтому дело не может продвинуться дальше. Они могут угрожать, система может даже укусить, но зубы у нее уже не те. Система умирает. То же самое было в Грузии.

3

Революция роз

[.]

Слова, произнесенные перед участниками митинга у муниципалитета Тбилиси в ноябре 2003 г.: «Если Шеварднадзе нужна революция, то он получит революцию!»

В сентябре 2001 года я подал в отставку с поста министра юстиции. Оставаться ширмой коррумпированной власти – это не по мне.

В Грузии разгорался политический кризис. 26 июля был убит известный журналист «Рустави 2» Георги Саная. Никто не верил, что это убийство не политическое. Впервые за годы независимости на улицы вышли тысячи людей с протестом против власти. Олицетворением всех бед считался министр внутренних дел Каха Таргамадзе.

Жвания выступил с инициативой: если уходит Таргамадзе, то и он покидает пост главы парламента. Когда в середине 1990-х Шеварднадзе привлек Жванию на свою сторону, тот был главой маленькой Партии зеленых и никакой угрозы не представлял. Однако Жвания смог привести в парламент очень много хороших людей и создать широкий реформаторский фронт, чего Шеварднадзе не ожидал. Поэтому он охотно принял такой вариант урегулирования ситуации.

На освободившееся кресло спикера претендовал бывший комсомольский вожак, которого поддерживал Патаркацишвили. Тот пытался подкупить депутатов. В парламент принесли три чемодана денег. Мы не могли этого допустить.

Из близких к нам людей Шеварднадзе мог принять только Бурджанадзе, которая была дочерью его ближайшего друга. Несмотря на ее связи с реформаторами она была его кровью и плотью, поэтому Шеварднадзе занял нейтральную позицию. С большим трудом, мы добились избрания Бурджанадзе. Для нас это стало большим успехом, хотя, в принципе, она не была реформатором. Все равно это было лучше, чем ставленник Патаркацишвили.

После отставки с поста спикера Жвания сохранял пост главы партии Шеварднадзе и надеялся восстановить с ним отношения. Тот регулярно с ним встречался, улыбался ему и держал в подвешенном состоянии. Точно так же было с еще несколькими бывшими министрами. Им понравилось быть во власти. И они были слишком лояльны Шеварднадзе.

Я был гораздо более радикален. У нас было много споров со Жванией по этому поводу. У него был огромный офис в хорошем месте. У него были секретарши, много машин, охрана. Ему было, что терять. А у меня и у тех, кто меня окружал, ничего этого не было. В целом я все время говорил, что надо радикализироваться. Но большинство не было готово к этому. Когда я сказал, что мы, возможно, создадим свою партию, Жвания возразил: «Ну как ты что-то создашь? У тебя деньги есть? У тебя денег нет! Ладно, мы тебе дадим на первое время 20 000 лари для партии». Это было около 10 000 долларов – достаточно много в бедной стране.

Мы назвали нашу партию «Национальное движение». Мы постоянно устраивали акции против незаконного строительства, против вырубки леса, против каких-то местных феодалов. Наша группа поддержки состояла из пятисот пенсионеров. Молодежь тогда вообще не была активна. Это свойство молодежного психотипа: молодежь подтягивается, когда происходит политическое обострение. И это нормально.

На нас смотрели косо. Все эти акции, радикальные лозунги... В Грузии тогда считалось, что это не работает. Нас называли сектой.

Мы сняли полуподвальный офис в ветхом доме. Денег хватило на несколько месяцев. В конце каждого месяца мы должны были платить 1000 лари. Потом мы все время ломали голову, где найти эти деньги. Каждый месяц мы скидывались на аренду и каждый месяц появлялся хозяин с недовольным лицом и угрожал нас выкинуть. У нашей партии не было денег вообще.

Никто не пытался нас купить, потому что мы считались радикалами, опасными, с нами нельзя было иметь дело. У Патаркацишвили были хорошие отношения с Шеварднадзе, но, как и все олигархи, он хотел иметь еще и лояльную оппозицию, поэтому он финансировал Жванию и партию «Новые правые» – крупнейшие оппозиционные группы на тот момент. Патаркацишвили считал, что монополизировал весь политический спектр. «Рустави 2» тоже нужны были деньги, а поскольку Жвания им постоянно помогал, то «Рустави 2» был на стороне Жвании. Так что серьезной медиа-поддержки у нас не было.

Когда меня спросили, какой американец будет у меня будет PR-советником, я ответил, что PR будут делать мне собственные ноги, а не советники. Мы не могли даже опросы проводить. А они постоянно опросы проводили, и по этим опросам у нас всегда был ноль. Думаю, они их просто фальсифицировали.

В 2002 году были муниципальные выборы. В правящей партии начался полный разброд, поэтому самую главную кампанию – выборы в городской совет Тбилиси – выиграли лейбористы. Это была очень популистская партия, которую финансировал Шеварднадзе. Их лидер Нателашвили по риторике и манерам был очень похож на Ляшко. Они вышли на первое место, а мы сразу за ними – на второе.

Мы победили еще в нескольких маленьких городах. К сожалению, там наши представители почти сразу перешли на сторону власти, потому что мы не могли держать фронт. Когда только начинаешь, твоя партия по определению оппозиционная, а местная власть не может быть в оппозиции, особенно в маленькой стране.

Когда мы зашли в горсовет, то думали, что ограничимся второй по количеству депутатов фракцией. Но тут Нателашвили, который по праву мог быть председателем горсовета, почему-

то решил, что это ловушка и если он согласится возглавить горсовет, то его рейтинг упадет. Он ведь привык быть только в оппозиции – кричать и обличать. Полномочия у горсовета были ничтожные. Поэтому его расчет был более или менее понятен. Мы для него были опасными конкурентами, лучше уж отдать это место нам.

Так я стал председателем Тбилисского горсовета. Поскольку в Грузии тогда никто ничего хорошего не делал, тот факт, что в горсовете перестали брать взятки за разрешения, уже был большой новостью. У нас вообще не было денег, нечем было поддерживать партию, а тут приходит какой-то тип и говорит: «Дайте мне разрешение на строительство бензоколонки в центре города, и мы тут же заплатим вам 400 000 долларов». Мы, естественно, не взяли.

Почти всеми деньгами города распорядилась мэрия, бюджет горсовета был мизерный, причем мы контролировали от силы 15 % этого бюджета. Несмотря на это мы начали ремонтировать крыши в многоэтажных домах. Я сам ходил на эти крыши, сам их делал. Все это показывали по телевизору.

Власти начали вставлять нам палки в колеса. Мы стали делать детские площадки. Поставим площадку, а они придут ночью и что-то сломают. Мы начали бесплатно выдавать учебники первоклассникам, а они арестовали члена горсовета от нашей партии, который эту программу изобрел. И держали его три дня, арестовав все учебники вместе с ним. Своими глупыми действиями они лишь добавляли нам популярности.

Мы ввели свой флаг, ныне это национальный флаг Грузии. Мы объявили его флагом города и водрузили на здание горсовета. Они пришли со спецназом его снимать. Этот флаг всем нравился, и никто не понимал, почему его нужно срывать? Возможно, дело было в том, что Шеварднадзе ездил на работу через главную площадь, мимо горсовета. Никто никогда не знал ни председателя горсовета, ни чем этот горсовет вообще занимается. И вот в этом здании засел радикал Саакашвили, а на крыше появился какой-то неизвестный флаг. И Шеварднадзе, видимо, сказал: «Что это за безобразие? Уберите!»

При мне горсовет показал, как нужно работать. Благодаря этому мы привлекли на свою сторону депутатов из других фракций, которые почувствовали, что перспектива на нашей стороне. Сначала у нас было 16 депутатов из 49, а к моменту Революции роз численность нашей фракции выросла до 40 человек. Я со всеми нашел общий язык. Мы много разговаривали, постоянно пытались вместе делать какие-то программы. Люди поняли, что за нашей политической будущее и надо присоединиться к нам.

Национальный парламент не мог этого не видеть. Политический кризис углублялся, а мы выглядели лучше других, так как пытались что-то делать.

Мы стали центром притяжения и альтернативой власти. Превратились в маленькую власть, которая состояла из нескольких кабинетов и очень-очень скромных бюджетных средств. И когда начались парламентские выборы, мы контролировали горсовет. Он стал площадкой, с которой можно вести политическую агитацию и показывать, что сделано в Тбилиси, всей остальной стране.

[.]

Выборы в парламент были назначены на 2 ноября 2003 года.

Наши противники сделали нам большую рекламу, все время нападая на нас.

Шеварднадзе слишком долго был у власти. В Грузии выросло целое поколение, которое не знало жизни без Шеварднадзе.

Мы были активнее всех. Свое видение развития страны мы старались донести до как можно большего количества людей. Мы шли в самые разные места, в том числе населенные этническими меньшинствами. В Марнеульском муниципалитете живет больше 100 000 человек, в основном азербайджанцев. Они всегда голосовали за власть. Мы зашли туда первыми из

оппозиционеров. Власти стали устраивать провокации. Их «титушки» забрасывали нас камнями, поджигали нам машины, это все снимало телевидение. Каждый раз, когда они такое устраивали, это делало нам большую рекламу.

Аджария, где правил Аслан Абашидзе, была государством в государстве. Она признавала грузинскую власть только на словах. Абашидзе называл себя главой Аджарии, хотя в Грузии такая должность не была предусмотрена. Шеварднадзе туда церемониально навещался раз или пару раз в год, и больше у него особых контактов там не было. Абашидзе принципиально не ездил в Тбилиси.

Там была полная диктатура, никто не мог и пальцем пошевелить.

«Пограничники» Абашидзе досматривали каждую въезжающую машину. Кто им не нравился, того просто не пускали. Я там был персоной нон-грата. И вот мы поехали в Аджарию всей партией. Я лег в пикапе сзади, сын руководителя нашей зугдидской организации Алик Кобаля прикрыв меня брезентом. Он уже проезжал несколько раз туда-обратно мимо «пограничников» на этой машине, и на этот раз ее не досматривали. Остальных партийцев, человек 300–400, мы завезли под видом туристов. И устроили в центре Батуми митинг.

У Абашидзе были свои «титушки» и свой «Беркут», который назывался отрядом особого назначения. И они не выдержали и через некоторое время просто жестоко избили большинство митингующих, разбили лица, человек 50 арестовали. Мы выбирались обратно какими-то тайными тропами... Но это увидела вся Грузия, и люди очень возмутились, так что после этого никто больше не смел делать такие вещи.

Из-за подобных действий властей у нас быстро выросла популярность, потому что мы оказались единственными, кто не боялся. В результате на выборах мы заняли первое место. Все остальные партии, которых в Грузии было много, так же, как и сейчас в Украине, соблюдали ритуал танцев с властями или просто были проектом власти. Все думали, что мы тоже будем сидеть в какой-то своей нише. А мы были группой абсолютно «без тормозов», но при этом порядочными и компетентными, с опытом работы во власти. В нашем списке было несколько бывших министров, бывших заместителей министров, губернаторов. У нас были депутаты с большим опытом работы в парламенте, авторы реформ – и люди это видели.

У Жвании была отдельная партия. Изначально у них было гораздо более высокие рейтинги, но они были умеренные. А мной пугали людей. Телевидение было на стороне власти, на стороне Жвании. Но телевизионщики не могли игнорировать того факта, что в Батуми за час избили 500 человек. Не показать это было невозможно. У нас маленькая страна, новости распространяются быстро, даже без Фейсбука.

В результате Жвании и Бурдажанадзе, которая шла с ним, получили всего 6 % голосов.

У нас был лозунг: «Грузия без Шеварднадзе». Я его позаимствовал у украинцев. Помните, «Украина без Кучмы»? Этот лозунг сработал, так как ни у кого не было ничего подобного. Все остальные шли с банальными лозунгами: «Поднимем экономику», «Разовьем производство», «Сократим коррупцию» и т. п. А мы четко объясняли: все проблемы от Шеварднадзе.

Мы заняли первое место. Все экзит-поллы давали нам 30 %. На втором месте была партия Шеварднадзе, на третьем – партия Абашидзе. И тогда власти решили пойти на жуткую подтасовку: вывели на первое место Абашидзе, на второе – Шеварднадзе и на третье нас.

И нарисовали нам 17 %.

Центральная избирательная комиссия «считала» очень долго. Поэтому мы начали уличные акции, сначала не очень многочисленные. Люди еще не теряли надежды. Выходили на улицы, потом опять брали тайм-аут. Когда избирательная комиссия объявляла очередную глупость, снова выходили. Параллельно шли переговоры политических сил.

Когда мы начали выходить на митинги, американцам это очень не понравилось. Представители американских властей через моих знакомых передавали, что мы должны немедленно прекратить митинги, так как это приведет к насилию и этим воспользуется Россия. Ну, это

очень знакомо и по Украине. Мы все равно продолжали митинговать, но я держал американское правительство в курсе через моего друга в аппарате Белого дома Мэта Брайзу. Посол Ричард Майлз дважды устраивал у себя дома мои переговоры с госминистром, который тогда был главой правительства.

Американцы уговаривали меня согласиться на второе место. Они готовы были признать подтасовку, но, так сказать, частично. На что я им ответил: у нас первое место, с какой стати я должен соглашаться на второе? Ради сохранения страны аджарцев надо пропустить на первое место, отвечают американцы, иначе будет сепаратизм и Грузия развалится. Эдакие прагматические аргументы против демократии. Этот посол в своих донесениях писал: «сумасшедший Саакашвили и его друг „коккер-спаниель“ Мэт Брайза». Не хватало, чтоб я его послушался. Тогда Грузии вообще не существовало бы. Это прекрасный пример того, что нечего слушаться всех подряд. Где бы я потом нашел этого посла? Читающим лекции в каком-нибудь университете?

Мы не договорились.

[Революция роз]

Они создали парламент, объявили результаты. Нам нарисовали 3-е место. И тогда я поехал на крайний запад Грузии. Запад Грузии очень похож на Запад Украины – там самые радикальные люди, самые патриотически настроенные.

В Цаленджихе, что расположена между Сванетией и Абхазией, мы раздобыли автобусы. Этот прием я позаимствовал у сербов. До этого я был с поездкой в Белграде, где познакомился с Джинджичем и членами «Опоры». Одним из главных свершений этой молодежной организации было то, что они организовали поход из сельских районов Сербии на Белград. Мы решили устроить нечто подобное. Я начал с запада, а некоторых своих людей послал на восток

Грузии. Мы сели в автобусы и двинулись на Тбилиси. Колонне, шедшей с востока, гаишники стреляли по колесам, что еще больше взбудоражило народ. Мы останавливались, разбивали лагерь, вокруг нас собирались люди, мы находили еще автобусы, люди сами платили за них. Потом садились и ехали дальше. Потом снова останавливались на ночлег и все повторялось, как в предыдущих местах. Все это заняло неделю.

Колонна автобусов с протестующими движется к Тбилиси

Власти не могли не впустить нас в Тбилиси. Под конец наша колонна представляла внушительное зрелище. Какой-то фотограф снял эту огромную освещенную колонну, которой не было конца и края, где-то в Мцхете, с горы, где церковь Святого Креста. В столице, как это часто бывало, как раз отключили электричество. Казалось, в город входит настоящая огненная армия. И это уже было в прямом эфире. Естественно, Тбилиси, который раньше был настроен скептически, уже «разогрелся» и встречал нас как освободителей.

Мы провели митинг на площади Свободы и пошли на канцелярию президента. Нас встретил спецназ и начал бросать в нас дымовые шашки. Началась паника, но многие все же пошли вперед и прорвались через дымовую завесу. Спецназ расступился, и мы зашли внутрь.

Офис нашей партии находился метров в 300 от парламента. Там у меня произошел разговор с Жванией и Бурджанадзе. Жвания говорил, что дальше идти нельзя, что, если мы зайдем в парламент, начнется кровопролитие. Власти будут стрелять. Ведь это будет попытка госпереворота. Нужно вести переговоры с правительством через посредничество американцев или международных организаций, тем более что американцы предлагали собрать нас на следующей неделе в Вашингтоне или в Тбилиси. Бурджанадзе была на стороне Жвании. Я ответил, что времени на такие разговоры у меня нет и я иду на парламент. «Ты или идешь со мной, или теряешь свой шанс, – сказал я Бурджанадзе. – Ты председатель парламента и должна зайти в

зал до того, как выберут нового председателя. Иначе через полчаса ты не будешь главой парламента».

Перед парламентом было много спецназа в масках. Мы знали, что у бойцов очень плохое моральное состояние. Им не платили зарплату, нечего было есть, и мы их подкармливали, посылали им еду. Спецназовец в маске встал у меня на пути и начал на меня орать. Я узнал в нем министра внутренних дел. Значит, плохо было дело, если сам министр должен был их подбадривать. Я сорвал с него маску и начал ругаться с ним перед телекамерами, после чего оттолкнул в сторону. Он ничего не смог поделать.

Спецназ отступил, а мы прошли к парламенту. И тогда я сказал, что нужны розы.

Здание парламента – огромное, старое, еще 30-х годов постройки. И когда огромная толпа тысяч в 15 человек ворвалась во двор, мы увидели на крыше снайперов с винтовками и в масках. Все замерли в ожидании выстрелов. А я был впереди. И сообразил – посмотрел вверх и помахал им рукой. Они помахали в ответ. Я повернулся к людям и сказал: «Все, идем».

Перед входом в зал дорогу мне перекрыл первый заместитель председателя Верховного суда с четырьмя автоматчиками – очень коррумпированный человек, настоящий крестный отец мафии. Он говорит: «Миша, тебе конец». А я в ответ: «Ты откуда взялся?» Потом повернулся к сопровождающим и говорю: «Этих разоружить, а его выведите во двор и расстреляйте». Этот заместитель побледнел и начал кричать: «Я ничего плохого не хотел сказать!» Мой блеф сработал. Автоматчики убежали, и мы прорвались в зал.

Шеварднадзе как раз собирался объявить, что он открывает парламента и результаты выборов вступают в силу. Увидев нас, он просто потерял дар речи. Я начал кричать, что он должен уйти в отставку, но получалось плохо – голоса у меня почти не было.

Некоторые депутаты были вооружены, а наверху располагались охранники с автоматами. Но мы были настолько агрессивны и воодушевлены, что когда мы поперли дальше, охрана схватила Шеварднадзе и уволокла. Это стандартная реакция при угрозе, но по телевизору это выглядело как бегство. Он просто растерялся.

Площадь с другой стороны парламента была заполнена «титишками», которых привезли из Батуми. Их задача была изображать мирных митингующих, чтобы никто больше не занял эту площадь. Это была неприемлемая ситуация. Представьте себе, что площадь в центре Киева заняли бы донецкие. Сторонников Абашидзе в Тбилиси не любили, все знали, что митинг проплаченный. Когда охранники выволокли Шеварднадзе, положили в машину и увезли, аджарцы увидели, что главный, которого они защищают, убежал, и тоже в течение нескольких минут испарились.

Мы не знали, что делать дальше. Очутившись в своей резиденции, Шеварднадзе заявил, что это государственный переворот. Он ввел военное положение и отдал приказ армии очистить парламента. Из воинской части неподалеку от центра Тбилиси, выехали восемь БТРов. И так случилось, что первый БТР врезался в машину, в которой ехала пара молодоженов. Остальные остановились и дальше не двигались. Министр обороны перестал исполнять приказы президента и отдавать приказы подчиненным. Шеварднадзе ушел мирно, не потому что хотел уйти, просто никто больше не выполнял его приказы.

Ничего этого мы не знали. Я убедил Бурджанадзе объявить себя исполняющей обязанности президента, так как президент недееспособен. В какой-то момент Жвания отвел нас с Бурджанадзе в сторону и сказал: «Ребята, мы проиграли, нам конец». Я на него накричал: что он такое несет? А он в ответ: «Нас мало, сейчас придут и нас всех арестуют».

Меня разбудили в пять утра. Приехал министр иностранных дел России Игорь Иванов. Он прилетел накануне, но из аэропорта сразу поехал к своему другу Патаркацишвили. Как мне потом рассказывали, Иванов выпил там минимум бутылку виски. После этого он позвонил Шеварднадзе, выяснил, что тот спит и решил навеститься к митингующим. На площади перед парламентом он взобрался на трибуну и на чистом грузинском языке произнес торжественную

речь, явно не санкционированную Москвой: «Да здравствует свобода и да здравствует революция!».

Мать Иванова – грузинка из Кахетии. Лавров, кстати, тоже из Грузии – он родился и до 16 лет рос в Тбилиси. Примаков в детстве жил в Тбилиси на той же улице, где я родился, и был женат на грузинке. Если считать вместе с Шеварднадзе, у России было четыре министра иностранных дел родом из Грузии.

Вместе с Ивановым мы поднялись к Бурджанадзе. «Ребята, чего вы тут развели всю эту ерунду? Позвали бы старого друга, Игоря Иванова, и я бы все уладил, – начал он. – Нина, хочешь остаться председателем парламента? Да будешь! Ребята, вы тоже хотите должности – получите вы, нах, эти е...ные должности». Бурджанадзе начала возмущаться, как он смеет с нами так вульгарно разговаривать? Я ее подталкиваю: заткнись, сейчас не до этого, не видишь, человек выпил? Главное, чтобы он спокойно ушел и оставил нас в покое. В общем, говорит Иванов, вы, ребята, не расстраивайтесь, я очень устал, отдохну и с вами все выясню.

Революция роз. Манифестанты на площади Независимости.
Тбилиси, ноябрь 2003 г.

С рассвета люди начали подтягиваться в центр, чтобы нас поддержать. Целые военные части сообщали, что не подчиняются Шеварднадзе. У власти начало все разваливаться.

Начальник охраны Шеварднадзе попросил меня о встрече. Он сказал: «Старик хочет уйти, оставьте его в покое, давай мирно как-то это все решим». Я в ответ: «Хорошо, может быть». Он говорит: «Приезжайте к нему в резиденцию».

Муж Бурджанадзе – он был заместителем руководителя пограничной службы – сказал, что это западня, нас там всех арестуют и расстреляют. Поэтому Бурджанадзе не поехала. В

девять вечера откуда-то появился Иванов. Он уже полностью пришел в себя. От утреннего панибратства не осталось и следа. Он был официален и строг.

Иванов сказал, что поедет с нами. «Игорь, вы же понимаете, он будет в отставку уходить, вам неудобно будет», – возразил Жвания. А Иванов: «В какую отставку? Кто вам разрешил? Никуда он не уходит. Мы так не договаривались. Мы сейчас едем и там поговорим. Все! Я иду с вами!» Иванов прыгнул в машину Жвании (я был в первой машине), и мы поехали.

Мы зашли, Иванов начал что-то бубнить, а Шеварднадзе говорит ему: «Слушай! Подожди в соседней комнате, сейчас не до тебя». Тот послушался и ушел. Когда Шеварднадзе стал министром иностранных дел СССР, Иванов был его помощником, потом руководителем аппарата и заместителем министра. Поэтому Шеварднадзе смотрел на него немножко «сверху вниз».

Я сказал Шеварднадзе, что наше требование о его отставке в силе. Он ответил, что уйдет. Жвания, видимо, чтобы разрядить обстановку, пообещал часто ходить к нему за советами. А Шеварднадзе поднял голову и сказал: «Если я месяц-два не буду в активной политике, то ничего хорошего вам не насоветую. Нечего ко мне ездить». Тут в комнату забежал Иванов со словами, что никто так не договаривался, но мы уже приняли отставку Шеварднадзе.

Мы сразу объявили президентские выборы.

Казна была пуста, электричество подавалось с перебоями, кто-то устраивал взрывы на железной дороге. Первое совещание у нас касалось энергетики. На него пришла вся наша энергомафия плести всякие небылицы. Но мы-то уже понимали, что к чему.

Новый год в Тбилиси был абсолютно эйфоричным. Было страшно темно, но на улицы вышли толпы народа. На сцене выступали рок-группы, а в воздухе витало ожидание чего-то нового. Это была уже другая страна и совсем иная психология, несмотря на темноту, мрачные одежды, повсеместную грязь.

4 января 2004 года за меня проголосовало почти 97 % избирателей. Кроме меня баллотировались бывший губернатор и популярный когда-то лидер лейбористской партии. Люди не хотели их слышать. Старый политический класс был полностью уничтожен.

4

Кризис в Абхазии

[.]

Состоятельность государства определяется тем, способно ли оно поддерживать порядок на всей территории страны. Грузия в начале 2004 года находилась в этом смысле в очень плохом состоянии. Абхазия и Южная Осетия контролировались сепаратистами, которых поддерживала Россия. Абхазия была превращена в отдельное феодальное княжество.

Хозяином Абхазии был Аслан Абашидзе. В 1992 году он не пропустил на свою территорию военизированные формирования Тбилиси. Это обеспечило ему популярность среди местного населения, напуганного войной в Абхазии.

Абашидзе создал свои вооруженные силы численностью до пяти тысяч человек. Их подготовкой занимался российский генерал Неткачев. На территории Абхазии находилась российская военная база, поэтому недостатка в оружии у абхазской «армии» не было.

Абашидзе никогда не выезжал из Абхазии на территорию остальной Грузии. Он это мотивировал тем, что на него могут напасть, но это была отговорка. Он отказывался делить с Тбилиси таможенные и налоговые доходы.

Зато он постоянно летал в Москву. У него там были серьезные связи. С их помощью он занимался контрабандой нефтепродуктов в Грузию. В этом участвовали мафиози Лучанский, один из братьев Черных и даже московский мэр Лужков.

Инфраструктура в Абхазии была «убита». В Батуми имелась единственная асфальтированная дорога. Ее перекрывали, когда внук Абашидзе выходил кататься на картинге. В поездках по городу Абашидзе, как карикатурного латиноамериканского диктатора, сопровождала кавалькада «хаммеров» с автоматчиками. Он постоянно рассказывал, что центр хочет его убить, прозрачно намекая на Шеварднадзе.

Попасть в Абхазию было не просто. Однажды я побывал там с делегацией из Тбилиси. Сначала гости должны были посетить так называемые предприятия, которые создал Абашидзе. В программу входила фабрика по сборке пластиковых окон, консервный завод и какой-то долгострой на московские деньги. На весь Батуми было тогда только одно более или менее современное стеклянное здание. В нем находился офис банка, через который отмывались деньги. После осмотра всех этих «достижений народного хозяйства» требовалось посетить огромную псарню на тысячу собак. И лишь потом Абашидзе принимал делегацию у себя. Во время приема он кормил собаку или ручного орла, одновременно разговаривая с премьер-министром или с кем-то из депутатов. Это были многочасовые монологи о том, как все плохо в Грузии, как его много раз пытались убить, как он сохраняет стабильность в Абхазии, как все его должны оставить в покое и носить на руках.

Во время Революции роз, несмотря на взаимную неприязнь, он поддержал Шеварднадзе и прислал в Тбилиси большое количество демонстрантов-«титишек». Они сбежали вместе с Шеварднадзе.

Абашидзе не стал мешать проведению президентских выборов на территории Абхазии. В день инаугурации я приехал к нему принимать военный парад. Перед нами прошел местный отряд быстрого реагирования. Его командир носил кличку Рембо. Это была группа Неткачева.

Мы приняли парад, и я вышел к людям, которым не давали ко мне подойти. Абашидзе это очень не понравилось, и когда мы уехали, этих людей избили. Но его власть пошатнулась.

В марте 2004 года я несколько раз предлагал Абашидзе встретиться, но он все время находил причину для отказа.

Он улетел в Москву, а я демонстративно поехал в Батуми. Я взял с собой большой эскорт, чтобы все знали, что едет президент. На административной границе с Аджарией дорогу нам перекрыл большой отряд – в масках, с автоматами, большим количеством пулеметов и несколькими артиллерийскими орудиями.

Мы отошли в Поти и создали там оперативный штаб. Абашидзе срочно вернулся из Москвы. Он заявил, что его будут сбивать, поэтому полетел под прикрытием российских журналистов и депутатов Госдумы. После долгих переговоров Абашидзе впустил меня в Аджарию. Я сыграл на его мафиозных инстинктах. Я попросил дядю, который жил в Америке, но который в свое время закончил МГИМО и хорошо понимал советский менталитет, выйти через каких-то третьих лиц на связь с сыном Абашидзе. Тот в итоге убедил отца, что меня стоит выслушать. Иначе он вряд ли согласился бы на эту встречу.

Абашидзе хотел, чтобы я прилетел на самолете, но я поехал машиной. От административной границы Аджарии до Батуми час езды. Я постоянно останавливался, потому что толпы людей вышли меня встречать. Это, конечно, вывело Абашидзе из себя. Когда я приехал к нему, мою охрану разоружили.

Мы проговорили часов восемь. Он пустился в свои традиционные монологи, а я просто полулежал в кресле и слушал. В какой-то момент он так себя завел, что стал доставать пистолет из-за пояса.

Я привстал, положил руку на его пистолет и говорю: убери это и послушай меня. Что же это за ситуация, когда мы не контролируем таможенную в своей стране, кто захочет – входит и выходит. Ты создаешь какие-то военные формирования, а мне, президенту страны, негде остановиться в Батуми.

А что, спрашивает Абашидзе, тебе негде остановиться? Это легко решить. Вон у меня на пляже готовый трехэтажный дом рядом с домом моей дочери. Я тебе отдаю ключи – это твой дом, личная собственность, оформлю, на кого хочешь. У меня на лице, видимо, написано было недоумение. Он подумал, что этого недостаточно.

Беседа к тому времени продолжалась часов пять. Дверь в соседнюю комнату была приоткрыта. Оказывается, все это время там сидел Лужков. Не знаю, переводили ему наш разговор или нет, но слышно нас было хорошо. Абашидзе распахнул дверь и говорит: «Юрий Михайлович, выйдите, пожалуйста, сюда».

Абашидзе говорит Лужкову, мол, такая вот ситуация, я дарю ему дом у себя, но ему еще нужен дом в Москве. Выделите ему землю, а я построю ему многоэтажный дом, у него будет квартира, а на остальных он сможет сделать бизнес. Такое предложение слегка покорило даже Лужкова. Он пожал плечами и ничего не сказал.

В конце концов мы договорились, что Абашидзе допустит наших представителей на таможенную, что финансовая система будет более прозрачная и мы будем ее контролировать. Я уехал в Тбилиси, наступил временный мир. Но потом он наших представителей никуда не допускал, обвиняя нас в организации демонстраций.

В конце апреля у нас начались традиционные военные маневры. Армии у нас в то время как таковой не было, поэтому и маневры были никудышные. Правда, к этому времени Кучма по моей просьбе продал нам несколько вертолетов МИ-24, БТР и БМП. В отличие от последующих украинских управленцев он умел быстро принимать решения и быстро их реализовывать. И он не оглядывался на Путина. С его стороны это был широкий жест, почти подарок – мы заплатили потом, в рассрочку.

Я решил полететь на маневры на новом МИ-24. Абашидзе объявил полную военную готовность на административной границе. Я сидел в кабине пулеметчика, которая расположена под кабиной пилота. Мы заранее договорились облететь позиции отрядов Абашидзе. Связи

между кабинами нет, но у пилота была связь с землей. Ему передали, что боевики Абашидзе установили зенитки и получили приказ сбить вертолет, если он залетит на их территорию. У них, видимо, была информация, что мы летим в Аджарию. И вот уже перед самой Аджарией пилот внезапно повернул направо, в сторону Поти. Я ему жестами показываю, мол, лети налево, а он мне – ни-ни, летим направо. В общем, повернули направо, и когда сели, я перешел на сторожевой катер. Только вышли в море, как поступило сообщение, что Абашидзе взорвал все четыре моста, соединяющие Аджарию с остальной Грузией. Это было для него политическим самоубийством: он показал населению, у которого я был популярен, что рвет все связи с Грузией.

Началась война нервов. Каждый день люди перебирались с одного на другой берег по мелководью и проклинали Абашидзе. Потом его люди начали переходить на нашу сторону. Режим начал разваливаться.

Россияне, пытаясь поддержать Абашидзе, выпустили со своей базы БТР и танк Т-72, чтобы он поставил эту технику на так называемой границе. Во всех гостиницах Батуми расселили десятки внезапно приехавших в командировку российских офицеров. Вот, пожалуй, и вся помощь, которую Абашидзе тогда получил от России.

Дальше события развивались спонтанно. Съёмочная группа CNN должна была поехать в Батуми. Я сказал на совещании, что нашим активистам нужно провести митинг, чтобы телевизионщики могли его снять. Их просто избыют, возразили мне. На это я ответил, что пускай они продержатся хотя бы десять минут. Их покажут, и все будут знать, что в Батуми есть люди со своей позицией.

Потом выяснилось, что корреспонденты CNN уже улетели. Мы этого не знали, и когда в полдень люди вышли, чтобы попасть в репортаж CNN, CNN там не оказалось. Митингующих это не остановило. Люди Абашидзе стали стрелять в воздух и избивать демонстрантов, но люди уже перестали бояться. Все улицы были заполнены протестующими. Их хватали и отправляли в КПЗ, но это уже не действовало.

Мне позвонил Путин. Направляю, говорит, к вам Иванова, будем договариваться. Я ответил, что единственное мое условие – Абашидзе должен уйти. Это произойдет в любом случае, но мы будем очень благодарны России, если вы нам поможете. Хорошо, отвечает Путин, ты дашь политические гарантии Иванову, и он полетит в Батуми. Но ты должен понимать, что Абашидзе обратно мы не вернем. Забирайте его на здоровье, ответил я. Путин в ответ: хорошо, Иванов вылетает.

Вместо того чтобы прилететь к нам, Иванов сразу приземлился в Батуми. Я позвонил ему и сказал, что мы так не договаривались. Мы вас ждали в Тбилиси, чтобы были гарантии. А Иванов отвечает, что ему не говорили об уходе Абашидзе. Мне, говорит, президент совершенно другое сказал – я приехал вас мирить. Конечно, Абашидзе придется уступить, вам тоже надо будет в чем-то уступить. Я несколько дней здесь пробуду, чтобы все успокоилось, а потом к вам приеду. Ну, или можем встретиться втроем в Батуми или даже за границей. Куда, спрашивает, нам спешить. Ладно, отвечаю, значит, мы ни о чем не договорились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.